

Ирина Наумова Чужой муж из зеркала

Чужой муж из зеркала

Ирина Наумова

Ирина Наумова

Чужой муж из зеркала.

«Литнет»

2026

Наумова И.

Чужой муж из зеркала. / И. Наумова — «Литнет», 2026

В ночь перед Рождеством старинное зеркало показало мне чужое лицо, а моей лучшей подруге — моего жениха. Мы посмеялись и забыли. Но судьба ничего не забывает. На выпускном моя лучшая подруга украла у меня любимого, разрушив все мечты. Я сбежала, вычеркнула их из памяти, построила новую жизнь и вышла замуж. Казалось, прошлое похоронено навсегда. Но спустя годы я вынуждена вернуться в родную деревню. Там меня ждут те, кого я ненавижу, и тайна, которая перевернет мой мир. Мой бывший счастлив с разлучницей? Или это только фасад, за которым скрывается ложь? И чей ребенок смотрит на меня моими глазами? В тексте есть: ♥# Встреча через время (сильные чувства, которые не убить) ♥# Властный герой (который совершил ошибку, но готов искупить вину) ♥# Ребенок (тайна рождения и украденное счастье) ♥# Измена и предательство (эмоции на разрыв) ♥# ХЭ (счастье, выстраданное героями)

© Наумова И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3(Антон)	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6(Антон)	26
Глава 7	32
Глава 8(Антон)	36
Глава 9	40
Глава 10(Антон)	44
Глава 11(Антон)	48
Глава 12(Вера)	51
Глава 13(Вера)	55
Глава 14	59
Глава 15	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава1

Снег в Заречье скрипел так, словно под подошвами ломались тысячи крошечных костей. Мороз впивался в щеки, щипал нос, забирался под воротник моего старенького пуховика, но Вере было все нипочем. Она шла впереди, как ледокол, распахивая полы дорогой дубленки — подарка отца на восемнадцатилетие. Даже в темноте Сочельника мех отливал соболем, и мне на секунду стало завидно. Не шубе, нет. А этой ее уверенности, с которой она перешагивала через сугробы, точно знала: мир расступится.

— Ну, чего застряли? — Вера обернулась, блеснув глазами в свете единственного на всю улицу фонаря. — Или трусили, подруженьки?

— Холодно, Вер, — простучала зубами Аня, семена следом. Она куталась в вязаный шарф так, что видны были только испуганные глаза. — Может, ну ее, эту Матрену? Мама говорит, грех это — в зеркала ночью пялиться.

— Грех — это прожить жизнь душой и не знать, что тебя ждет, — отрезала Вера. — Лиза, ты-то чего плетешься? Самая смелая вроде была.

Я поправила шапку, чувствуя, как ледяной ветер пробирается к самой спине. Смелая? Да не была я смелой. Я была счастливой. А счастливым гадания не нужны, у них и так все ясно.

— Я просто не понимаю, зачем нам это, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Мы с Антоном документы в пед подаем летом. Заявление в ЗАГС — после выпускного. Что мне там зеркало покажет? Того же Антона?

Вера остановилась. Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом, от которого мне стало неуютнее, чем от мороза. В этом взгляде было что-то липкое, темное, чего я раньше в подруге не замечала. Или не хотела замечать.

— А ты так уверена, Ветлугина? — усмехнулась она, и пар изо рта вырвался белым облачком. — Жизнь — штука длинная. Сегодня он твой, завтра — чужой. Вдруг ты сейчас греешь место для другой?

Меня кольнуло. Зло так кольнуло, под ребра.

— Глупости не говори, — буркнула я, обходя ее. — Антон меня любит. Мы с первого класса вместе.

— Вот и проверим, — Вера подхватила меня под локоть, сжимая крепко, почти до боли. — Идем. Матрена денег не берет, только продукты. Анька пакет собрала?

— Собрала, — пискнула Аня. — Тушенку, сахар и чай индийский.

Дом бабки Матрены стоял на самом отшибе, у леса. Казалось, поселок выплюнул эту избу, чтобы не портить себе вид. Окна были темными, ставни перекошенными, а труба дымила так неохотно, словно дом сам себя согреть не хотел. Собаки в округе заливались лаем, но у самой Матрены было тихо. Мертвая тишина.

Мы поднялись на крыльцо. Доски под ногами застонали. Я потянулась к дверной ручке, но дверь распахнулась сама. На пороге стояла старуха. Маленькая, сухая, как ветка, в темном платке, надвинутом на самые брови.

— Пришли все-таки, — прокаркала она вместо приветствия. Голос у нее был скрипучий, как тот снег на улице. — Чего встали? Стужу пускаете. Заходите, раз судьбу пытаться надумали.

Внутри пахло не пирогами и хвоей, как у нас дома, а воском, пылью и сушеной полыньей. Запах был густой, тяжелый, он сразу осел в горле горечью. В углу, под потолком, иконы были завешаны темной тряпкой. От этого стало совсем жутко. Бабушка говорила, что иконы прячут, когда в доме покойник или когда творят что-то недоброе.

Матрена забрала у Ани пакет, даже не заглянув внутрь, и кивнула на дверь в заднюю комнату.

— По одной пойдете. Вдвоем нельзя — судьбу перепутаете. Свечу зажжете, в зеркало глядите, пока не увидите. Как увидите — сразу задувайте и «Чур меня!» говорите. Замешкаетесь — беда будет. Зеркало — оно ведь не только показывает, оно и забрать может.

— Что забрать? — шепотом спросила Аня.

— Душу, милая. Или счастье. У кого что есть, — Матрена усмехнулась беззубым ртом. — Ну, кто первая?

Мы переглянулись. Вера демонстративно сняла дубленку, оставшись в обтягивающем свитере, который подчеркивал высокую грудь. Она достала из кармана помаду и, глядя в маленькое зеркальце в прихожей, начала подкрашивать губы. В полумраке избы это выглядело дико.

— Иди ты, Ань, — скомандовала Вера. — Ты у нас самая безобидная. Тебе бояться нечего.

Аня вздохнула, перекрестилась украдкой и юркнула в темную комнату.

Мы остались в сенях. Вера прислонилась к косяку, разглядывая свой маникюр.

— Зря ты так уверена в своем Антоше, Лиз, — вдруг сказала она, не поднимая глаз. — Парни, они ведь как волки. Их кормить надо. А ты его чем кормишь? Мечтами о педагогическом? Скучно это.

— Нам не скучно, — я скрестила руки на груди, пытаюсь унять дрожь. — У нас любовь, Вер. Настоящая. Тебе не понять, ты все деньгами меряешь.

Вера подняла голову. В свете тусклой лампочки ее глаза блеснули хищно.

— Любовь, — протянула она, словно пробовала слово на вкус и нашла его кислым. — Любовь — это когда ты готова глотку перегрызть за свое. А ты, Лизка, травоядная. Отберут у тебя кусок — ты и не заметишь.

Я хотела ответить резко, но тут дверь скрипнула, и выскочила Аня. Щеки у нее горели, глаза были круглые, как блюдца. Она хихикала — нервно, тоненько.

— Ну? — Вера шагнула к ней. — Кого видела?

— Ой, девки... — Аня замахала руками. — Страшно-то как! Свеча трещит, тени пляшут... Я уж думала, все, конец. А потом смотрю — муть какая-то расходится, и лицо. Вроде Ваня наш, тракторист. Борода такая рыжая. Или не Ваня... Но похож!

— Тракторист, — фыркнула Вера. — Ну, каждому свое. Давай, Лизка, твоя очередь. Иди, посмотри на своего суженого. Может, там вовсе и не Красильников, а сторож школьный?

Я зло зыркнула на нее и шагнула в темноту.

В комнате было холодно, гораздо холоднее, чем в сенях. Стол стоял посредине, накрытый черной скатертью. На нем — две толстые свечи и зеркало. Старинное, в тяжелой бронзовой раме, потемневшей от времени. Стекло было мутным, словно подернутым пленкой жира или тумана.

Я села на табурет. Дерево скрипнуло подо мной так громко, что я вздрогнула. Дрожащими руками чиркнула спичкой. Огонек заметался, выхватывая из темноты мое собственное отражение — бледное лицо, испуганные глаза, выбившаяся из-под шапки русая прядь.

— Не бойся, — прошептала я сама себе. — Там Антон. Только Антон. Больше никому.

Я набрала в грудь воздуха и начала шептать, как учила Матрена:

— Суженый-ряженный, приходи ко мне наряженный... Суженый-ряженный, покажись...

Пламя свечи дернулось, хотя сквозняка не было. Оно вытянулось в длинную струну, и в комнате запахло гарью. Я впилась взглядом в мутную глубину стекла.

Сначала там была только темнота. Густая, вязкая. Потом по стеклу словно рябь пошла, как по воде от брошенного камня. Сердце ухнуло куда-то в желудок.

«Антон, Антон, Антон», — мысленно звала я, представляя его широкую улыбку, ямочку на левой щеке, теплые карие глаза.

Муть в зеркале начала рассеиваться. Я подалась вперед, почти касаясь носом холодного стекла. И замерла.

Из зеркала на меня смотрел мужчина.

Но это был не Антон.

У того, в зеркале, волосы были темнее, почти черные, зачесанные назад. Лицо — более узкое, резкое, с высокими скулами. И глаза... Глубокие, темные, полные такой вселенской тоски, что меня пробрало морозом до костей. Он был старше Антона, серьезнее. На шее у него был намотан какой-то объемный шарф, а воротник пальто поднят.

Он смотрел прямо на меня. Не улыбался. Смотрел так, словно прощался. Или просил о помощи.

— Нет... — выдохнула я. — Это не он. Уходи.

Образ не исчезал. Мужчина в зеркале чуть наклонил голову, и мне показалось, что его губы шевельнулись, беззвучно произнося мое имя.

Панический ужас накрыл меня с головой. Это ошибка. Этого не может быть. Мой суженый — Антон! Мы с первого класса за одной партой, мы клялись! Это зеркало врет! Или это чертовщина какая-то!

Я дернулась назад, опрокидывая стул. Он с грохотом упал на пол. Я дунула на свечу так сильно, что воск брызнул на скатерть.

— Чур меня! Чур!

Темнота сомкнулась мгновенно. Но перед глазами все еще стояло это чужое, незнакомое и пугающе притягательное лицо. Почему оно показалось мне смутно знакомым? Словно я видела его во сне... Или увижу через сто лет.

Я вылетела из комнаты, едва не снеся косяк плечом.

В сенях было тихо. Аня и Вера уставились на меня.

— Ты чего такая белая? — спросила Аня, делая шаг назад. — Привидение увидела?

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Я не могла сказать им правду. Вера засмеет. Скажет, что я неудачница, что Антон меня бросит. Нет. Не бывать этому.

— Никого я не видела, — выпалила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ерунда это все. Темно просто, померещилось что-то, тень от свечи.

— Тень? — Вера прищурилась. Она подошла ко мне вплотную, заглядывая в лицо. От нее пахло дорогими духами — сладкими, душистыми. — Врешь, Ветлугина. У тебя глаза как у побитой собаки. Что, не пришел твой Антоша?

— Пришел! — соврала я, глядя ей прямо в переносицу. — Он это был. Просто... искажилось все. Стекло кривое.

Вера хмыкнула, но допытываться не стала. Она поправила волосы, расстегнула верхнюю пуговицу на блузке под дубленкой — словно на свидание шла, а не к бабке в каморку.

— Ну, теперь моя очередь. Подвинься.

Она вошла в комнату уверенно, по-хозяйски прикрыв за собой дверь.

Мы с Аней остались ждать. Минуты тянулись, как резина. В избе было тихо, только ветер выл в печной трубе, да половицы иногда поскрипывали, словно кто-то невидимый ходил по кругу.

Мне все еще было страшно. Тот образ из зеркала... Он не выходил у меня из головы. Кто это? Почему он? Неужели бабка права, и судьбу не обманешь? Нет, бред. Просто игра воображения. Я перенервничала.

Прошло пять минут. Десять.

— Чего она там застряла? — шепнула Аня, переминаясь с ноги на ногу. — Уснула, что ли?

Вдруг из-за двери донесся звук. Не крик, не плач. Смех. Тихий, горловой, торжествующий смех. У меня мурашки побежали по спине.

Дверь распахнулась. Вера вышла.

Она выглядела... странно. Щеки пунцовые, глаза блестят лихорадочным, каким-то безумным блеском, дыхание сбитое, грудь ходит ходуном. Она словно пробежала марафон или... только что целовалась.

— Ну? — не выдержала я.

Вера медленно обвела нас взглядом, остановилась на мне и улыбнулась. Это была не добрая улыбка подруги. Это был оскал победительницы, которая только что сорвала джекпот.

— Видела, — выдохнула она хрипло. — Ясно видела. Как живого.

— Кого? — пискнула Аня.

Вера шагнула ко мне, сокращая дистанцию до минимума.

— Антона, — сказала она четко, разделяя слоги. — Красильникова Антона Сергеевича.

Земля качнулась у меня под ногами.

— Врешь, — прошептала я. — Он мой. Ты врешь, чтобы позлить меня.

— Зеркало не врет, Лиза, — Вера склонила голову набок, и в ее глазах я увидела свое жалкое отражение. — Он стоял прямо передо мной. Улыбался. И знаешь что? Он протягивал мне кольцо. Золотое, с камушком. Точно такое, о каком я мечтала.

— Замолчи! — крикнула я. — Этого не может быть! Он любит меня! Мы женимся летом!

— Женитесь? — Вера рассмеялась, и этот звук резанул по ушам больнее ножа. — Ой, наивная ты, Лизка. Простушка. Ну поженитесь, если дойдете. Только в зеркале-то я была, а не ты. Значит, судьба его ко мне приведет. Рано или поздно.

— Пойдем отсюда, — я схватила Аню за рукав, чувствуя, что еще секунда — и я расплачусь или ударю Веру. — Она ненормальная.

Я выскочила на крыльцо, жадно глотая ледяной воздух. Он обжигал легкие, но это было лучше, чем душный запах Вериных духов и старого воска.

Мы шли обратно по темной улице молча. Метель усилилась, снег бил в лицо колючей крупой. Я шла быстро, почти бежала, пытаясь убежать от того, что увидела, и от того, что слышала.

В кармане звякнул телефон. Я выхватила его как спасательный круг.

Сообщение от Антона:

«Спишь, моя хорошая? А я все о тебе думаю. Скорее бы завтра. Люблю тебя больше жизни».

Слезы брызнули из глаз, горячие, соленые. Я прижала телефон к груди. Вот она, правда! Вот! Он любит меня. Пишет мне. А Вера... Вера просто завидует. Она всегда завидовала, что у нее есть все — деньги, шмотки, поездки, а любви нет. А у меня есть Антон.

Я немного успокоилась. «Дура я, — подумала. — Повелась на бредни старой бабки и злой подруги. Чужое лицо привиделось с перепугу, а Вера просто наврала».

Мы дошли до развилки. Аня юркнула в свой переулок, буркнув быстрое «Пока». Мы с Верой остались вдвоем. Мой дом был через два двора.

— Ты не верь, — сказала я, не оборачиваясь. — У нас с ним все серьезно.

Вера догнала меня у самой калитки. Ветер трепал ее растянутую шубу, но она, казалось, не чувствовала холода. Ее лицо в свете фонаря было бледным и красивым, пугающе красивым.

Она схватила меня за руку выше локтя. Хватка была железной.

— Читай свои смски, Лиза, — прошептала она мне прямо в ухо, перекрывая вой ветра. — Радуйся пока. Строй планы. Покупай фату.

Она наклонилась еще ближе, и ее горячее дыхание обожгло мне мочку уха:

— Только помни: суженый из зеркала всегда приходит за своим. И если он был там, со мной... значит, ты просто временная. Наслаждайся, подруга. Пока я не решила забрать свое.

Она резко отпустила меня и, развернувшись, пошла прочь, цокая каблуками по наледи, уверенная и прямая, как стрела.

Я осталась стоять у калитки, сжимая в руке телефон с признанием в любви, но внутри меня разрасталась черная, липкая пустота. Впервые в жизни мне показалось, что зима никогда не кончится.

Глава 2

Май в Заречье выдался сумасшедшим. Он ворвался в поселок не постепенно, а рухнул с неба ослепительным солнцем, заставив все цвести одновременно. Яблони, вишни, черемуха — все смешалось в белую пену, от которой кружилась голова. Воздух был таким густым и сладким, что его хотелось есть ложкой, как бабушкино варенье.

Мы с Антоном сидели на нашем месте у реки, под старой ивой, ветви которой купались в воде. Школьные учебники по истории и литературе валялись рядом на траве, забытые и ненужные. До экзаменов оставалась всего неделя, но в такие дни думать о датах правления царей было преступлением против молодости.

Антон лежал на спине, закинув руки за голову, и щурился на солнце. Лучи пробивались сквозь листву, рисуя на его лице подвижные узоры. Я смотрела на него и не могла надышаться. Мой. Родной до каждой родинки, до крошечного шрама на подбородке, который остался после того, как он в третьем классе упал с велосипеда, пытаясь меня впечатлить.

— Лиз, — позвал он лениво, не открывая глаз. — А представь, через месяц мы уже студенты. Общага, большой город, трамваи звенят... Страшно?

Я сорвала травинку и пощекотала ему нос. Он смешно сморщился, чихнул и перехватил мою руку, прижимая ладонь к губам.

— С тобой — нет, — честно ответила я. — Главное, чтобы стипендии хватало. А то будем сидеть на одних макаронах.

— На макаронах с тушенкой, — поправил он важно. — Я, между прочим, летом подработку найду. Грузчиком или курьером. Ты у меня голодать не будешь, Ветлугина. Платье тебе купим. Красивое, как у артистки.

Я улыбнулась, но сердце кольнуло. Тема денег всегда висела между нами тонкой, но прочной паутиной. Моя мама работала медсестрой в поселковой амбулатории, папа работал сторожем, ему были противопоказаны нагрузки... сердце... да и спина подводила.. Мы жили от зарплаты до зарплаты, штопая старое и перелицовывая вещи. Семья Антона жила чуть лучше, но беда пришла и к ним.

Антон сел, стряхивая с волос лепестки яблони. Улыбка сползла с его лица, и я увидела тени под его глазами, которые раньше не замечала за блеском солнца. Он выглядел уставшим, повзрослевшим не по годам.

— Отец вчера опять скорую вызывал, — сказал он тихо, глядя на воду. — Сердце. Врач говорит, нужна операция в области. Квоту ждать полгода, а платно... Сам понимаешь. Мать плачет по ночам, думаю, я не слышу.

Я прижалась к его плечу, чувствуя себя бесполезной. Я могла целовать его, могла писать за него сочинения, могла любить до дрожи, но я не могла дать ему денег.

— Все образуется, Тош, — прошептала я, понимая, как глупо это звучит. — Сергей Петрович сильный. Он справится.

Антон накрыл мою ладонь своей — большой, теплой, шершавой от работы в огороде.

— Справится, — эхом отозвался он. — Ладно, хватит о грустном. У нас выпускной на носу. Ты вальс репетировала? А то отставишь мне ноги, придется в пед на костылях поступать.

Он попытался пошутить, но смех вышел вымученным. Я потянулась к нему, чтобы поцеловать, стереть эту тревожную складку меж бровей, но звук мотора разорвал тишину.

К берегу, поднимая облака пыли, подкатила блестящая красная иномарка. В нашем поселке такую машину знали все — «Тойота» Сергея Светлакова, местного фермера и по совместительству «короля» Заречья.

Дверца распахнулась, и из машины выпорхнула Вера.

Она была как экзотическая птица, залетевшая в наш курятник. Яркий сарафан, обнажающий загорелые плечи, модные солнечные очки на пол-лица, волосы, уложенные волосок к волоску, словно она не по пыльной дороге ехала, а только что вышла из салона.

— Привет, голубки! — крикнула она, снимая очки. — А я смотрю, вас в школе нет, дай, думаю, проверю ваше любовное гнездышко. Не ошиблась!

Она подошла к нам, покачивая бедрами. От нее пахло чем-то сладким и дорогим — ванилью и деньгами. Я невольно одернула свое простенькое ситцевое платье, которое еще утром казалось мне милым, а теперь выглядело как тряпка для пыли.

— Привет, Вер, — Антон поднялся, отряхивая брюки. — Ты чего на колесах? Отец дал?

— А то! — Вера крутанула на пальце ключи с брелоком в виде золотой тубельки. — Сказал: «Дочка, ты школу заканчиваешь, привыкай к хорошей жизни». Права-то у меня уже есть, осталось только опыт накатать. Прокатить вас с ветерком?

— Спасибо, мы пешком, — быстро сказала я, вставая рядом с Антоном и беря его под руку. Жест вышел собственническим, но мне было плевать. — Нам тут недалеко.

Вера окинула меня быстрым, оценивающим взглядом. В ее глазах не было злости, только снисходительная жалость, от которой хотелось провалиться сквозь землю.

— Ой, Лизка, совсем забыла! — она хлопнула себя по лбу. — Я тут заказ из города получила, косметику. Тональник брала, «Ланком», дорогущий. А тон не подошел, представляешь? Слишком светлый для меня, я ж смуглая. А тебе в самый раз будет, ты у нас бледненькая, как моль... ой, то есть, как аристократка.

Она нырнула в салон машины и достала фирменный пакет. Протянула мне.

— Бери. Жалко, если пропадет. А тебе на выпускной пригодится, замажешь синяки под глазами. Ты ж ночами зубришь, наверное?

Я стояла, не шевелясь. Щеки залило краской. Это была подачка. Откровенная, наглая подачка, завернутая в фантик заботы.

— Мне не нужно, Вера, — сказала я твердо. — У меня есть косметика.

— Да ладно тебе, не ломайся! — Вера насильно впихнула мне пакет в руки. — Это подарок. От чистого сердца. Тош, ну скажи ей! Чего она как дикая?

Антон посмотрел на меня с укоризной.

— Лиз, ну правда. Вера же хочет как лучше. Бери, вещь хорошая, наверное. Спасибо, Вер.

Я сжала зубы так, что челюсть свело. Антон не видел яда. Он видел красивую обертку. Для него Вера была подругой детства, дочкой папиного друга, успешной и доброй. А я в его глазах сейчас выглядела неблагодарной гордячкой.

Пришлось взять пакет. Пальцы обожгло холодом глянцевого бумажки.

— Спасибо, — выдавила я.

Вера просияла. Она добила своего — унизила и облагодетельствовала одновременно. Но это было только начало. Она повернулась к Антоному, и выражение ее лица мгновенно изменилось. Исчезла легкомысленность, появилась деловая серьезность и искреннее (или мастерски сыгранное) участие.

— Антош, я слышала, Сергею Петровичу совсем плохо? Мама моя говорила, в больницу его вчера возили.

Антон сразу поник, плечи опустились.

— Да, Вер. Сердце прихватило. Врачи говорят, надо в областной центр везти, обследовать, а там очередь...

Вера кивнула, словно ожидала этого ответа. Она снова полезла в машину, на этот раз в бардачок, и достала плотный белый конверт.

— Вот, — она протянула его Антону. — Папа вчера в город звонил, у него там друг, профессор кардиологии, заведованием. Это направление на госпитализацию, без очереди. И вот еще...

Она достала небольшую коробочку с лекарством.

— Это таблетки, импортные. Их в наших аптеках днем с огнем не сыщешь. Папа для себя берет, но он поделился. Сказал: «Передай Антону, пусть отца на ноги ставит».

Антон замер. Он смотрел на конверт и лекарство как на святыню и проклятие одновременно. Его руки дрогнули. Он понимал, что это стоит денег. Больших денег. И огромных связей, которых у его семьи не было.

— Вер... я не могу, — пробормотал он хрипло. — Это же дорого. Мы не сможем сейчас отдать...

— Ты дурак, Красильников? — Вера шагнула к нему и сама вложила конверт в его руку, накрыв своими пальцами. Ее маникюр был безупречен — алый лак, как капли крови. — Какие деньги? Мы же свои люди. Соседи. Друзья. Папа обидится, если не возьмешь. Для него здоровье друга важнее бумажек. Бери, говорю! Иначе я сама к твоей матери поеду и отдам.

Антон сглотнул ком в горле. Он посмотрел на меня, ища поддержки, но я отвела взгляд. Что я могла сказать? «Не бери, пусть твой отец умирает, зато мы гордые»? Нет. Я не имела права.

— Спасибо, Вера, — сказал он тихо. — Я... я отработаю. Летом. Скажи отцу, я все верну.

— Ой, брось, — отмахнулась она легко, но я заметила, как торжествующе блеснули ее глаза. — Потом сочтемся. Главное — батю лечи.

Она задержала свою руку на его ладони на секунду дольше, чем требовалось. Я видела это. Видела, как ее пальцы скользнули по его запястью. Это был знак. Метка. «Теперь ты мой должник».

— Ладно, полетела я, — Вера потрянула волосами. — Дела, маникюр, примерка платья... Кстати, Лиз, ты платье-то купила? Или мама опять шьет?

— Шьет, — ответила я сухо.

— Ну, тоже неплохо. Винтаж, ручная работа, — хихикнула она, садясь в машину. — Пока, пупсики! До встречи на балу!

«Тойота» взревела и сорвалась с места, оставив нас в облаке пыли.

Мы остались стоять у дороги. В руке у меня был пакет с ненужным тональным кремом, у Антона — спасение для отца. Солнце все так же светило, птицы пели, но мир вокруг словно потускнел. Вера купила нас. Обоих. Меня — косметикой, Антона — жизнью отца. И мы оба промолчали.

Вечером я стояла перед старым трельяжем в своей комнате. Мама только что закончила подшивать подол моего выпускного платья. Оно было нежно-голубым, из легкого шифона, который мама чудом достала через знакомых. Простое, летящее, скромное.

— Ну как, Лизонька? — спросила мама, стоя на коленях с булавками во рту. — Нравится?

— Очень, мам, — сказала я, но голос прозвучал тускло.

Я смотрела на свое отражение. Девочка в голубом. Милая, чистая. Но рядом с Верой в ее дорогих шелках я буду выглядеть как служанка. Я ненавидела себя за эти мысли, за эту мелочную зависть, но она грызла меня изнутри.

Солнце садилось, и комната погружалась в сумерки. Тени от шкафа и штор вытянулись, стали густыми.

Я засмотрелась в зеркало, поправляя лямку. И вдруг моргнула.

На долю секунды, на один краткий миг, мне показалось, что мое отражение изменилось. Голубое платье потемнело, став черным, траурным. А за моим плечом, в глубине коридора, отраженного в стекле, возник темный силуэт. Высокий мужчина в пальто с поднятым воротником. Тот самый, из рождественского гадания.

Сердце пропустило удар. Я резко обернулась.

Сзади никого не было. Только манекен с маминым халатом и кошка, спящая на кресле.

— Ты чего, дочка? — испуганно спросила мама, поднимаясь. — Лица на тебе нет.

— Показалось, — выдохнула я, потирая виски. — Голова закружилась. Душно.

Я снова посмотрела в зеркало. Там была только я. Обычная Лиза. Но холодок страха пополз по спине. Слова Веры, сказанные тогда, зимой, всплыли в памяти: «Ты просто греешь мне место».

За два дня до выпускного небо над Заречьем нахмурилось. Воздух стал тяжелым, предгрозовым. Мы с Антоном стояли у моей калитки. Он пришел проститься перед поездкой в город — вез отца в больницу с тем самым направлением от Веры.

— Ты как вернешься, сразу позвони, — попросила я, теребя пуговицу на его рубашке.

— Конечно. Я к выпускному успею, не волнуйся. Батю положу, мать с ним останется, а я назад.

Он выглядел спокойнее, чем раньше. Помощь Веры дала ему надежду. Но меня это только злило.

— Тош, — начала я осторожно. — Ты только будь осторожнее с Верой.

Он нахмурился.

— В смысле?

— Ну... она не просто так помогает. Ты же понимаешь. Она нас покупает, Антон. Она хочет, чтобы ты был ей обязан.

Антон отстранился, убирая мою руку со своей груди. В его глазах мелькнуло раздражение. Впервые за все время он посмотрел на меня с холодом.

— Лиз, не начинай, а? Опять ты за свое. Она моего отца спасает! Ты хочешь, чтобы я гордость показывал, пока батя погибает? «Нет, Вера, заберите ваши лекарства, моя Лиза ревнует»? Так, что ли?

— Я не ревную! — вспыхнула я. — Я просто вижу то, чего ты не видишь. Она как паук, плетет сети!

— Она друг, Лиза! — голос Антона стал жестким. — Друг, который помог в беде. А ты... ты просто эгоистка сейчас. Думаешь только о своих обидах детских.

Это было как пощечина. Антон назвал меня эгоисткой. Меня, которая ночами молилась за его отца.

— Ладно, — сказала я тихо, отступая на шаг. — Езжай. Удачи.

Он вздохнул, провел рукой по волосам. Видно было, что он уже жалеет о резкости, но гордость мешала ему извиниться.

— Я приеду, поговорим, — буркнул он. — Пока.

Он ушел, не поцеловав меня. Даже не оглянулся. Я смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась в сумерках.

В кармане звякнул телефон. Я достала его, ожидая извинений от Антона. Но это был не он.

Сообщение от Веры:

«Платье у тебя милое, Лиз. Видела, как твоя мама ткань на рынке покупала. Жаль будет, если на выпускном что-то пойдет не так. Спокойной ночи, подруга».

Телефон выпал из моих рук в траву. Я стояла и смотрела на темный экран, чувствуя, как внутри разрастается ледяной ком. Это была угроза. Открытая, наглая угроза. Вера не собиралась отступать. Она объявила войну, и ее первым трофеем стал Антон, сам того не ведая.

Где-то вдалеке грянул гром, раскатываясь над поселком. Завтра будет буря. И я не знала, сможем ли мы ее пережить.

Глава 3(Антон)

(от лица Антона)

Я влетел в школьный двор за полчаса до начала бала. Рубашка прилипла к спине, галстук, который я повязал еще в автобусе, душил, а ноги гудели так, словно я не сидел четыре часа в трясущемся «Икарусе», а бежал за ним следом. Но внутри у меня все пело.

Батя был в надежных руках. Профессор, к которому я попал благодаря Вериному конверту, оказался мужиком строгим, но деловым. Он осмотрел отца, поцокал языком и сразу определил в палату. «Вовремя привезли, парень, — сказал он мне на прощание, пожимая руку. — Еще бы неделька — и все, пиши пропало. А так — вытянем».

Я чувствовал себя победителем. Я спас отца. Я успел. И теперь я бежал к Лизе, чтобы разделить эту победу с ней.

В кармане брюк, обжигая бедро через тонкую ткань, лежала маленькая бархатная коробочка. Не кольцо — на кольцо, достойное Лизы, я еще не заработал, да и рано нам пока. Там был серебряный кулон: тонкая цепочка и подвеска в виде голубя, расправившего крылья. Я купил его на последние деньги, сэкономленные на обедах и подработках грузчиком на овощной базе. Продавец в ювелирном сказал, что голубь — символ верности. Это было именно то, что я хотел сказать Лизе. Что бы ни случилось, я буду верен ей. Всегда.

Я забежал в школьный туалет, чтобы привести себя в порядок. Зеркало над раковиной было заляпано брызгами и исписано маркером — классика жанра. Из него на меня смотрел взъерошенный парень с кругами под глазами, но с такой счастливой улыбкой, что она, казалось, светилась в полумраке. Я плеснул в лицо холодной водой, пригладил волосы пятерней и поправил узел галстука.

— Ну, Красильников, — сказал я своему отражению. — Не облажайся. Сегодня твой вечер.

В актовом зале уже гремела музыка. Динамики хрипели, выплевывая басы популярного хита, от которого дрожали стекла. Воздух был густым, влажным, пахло дешевым лаком для волос, духами и разгоряченными телами.

Я искал ее глазами в толпе одноклассников, разодетых кто во что горазд. Парни в мешковатых костюмах, купленных «на вырост», девчонки в платьях с кринолинами, похожие на пирожные с кремом.

И тут я увидел ее.

Лиза стояла у стены, возле больших кадок с фикусами. Она была одна. В своем нежно-голубом платье, простом и летящем, она казалась здесь чужой — слишком чистой, слишком настоящей среди всего этого блеска и мишуры. Она теребила край пояса и смотрела на вход, явно высматривая меня. В ее глазах была тревога.

Я стал пробираться к ней, расталкивая танцующих.

— Лиза! — крикнул я, перекрывая музыку.

Она вздрогнула, обернулась. И ее лицо озарилось такой радостью, что у меня перехватило дыхание. Вся обида, вся тревога последних дней исчезли в один миг.

— Антон! — она бросилась мне навстречу, не обращая внимания на взгляды.

Мы столкнулись посреди зала, и я подхватил ее, прижимая к себе. Она пахла яблоками и дождем — ее любимый шампунь.

— Ты успел... — прошептала она мне в плечо. — Я боялась, ты не приедешь.

— Я же обещал, — я отстранился, чтобы заглянуть ей в глаза. — Батя в порядке. Его положили, будут готовить к операции. Все хорошо, Лиз. Мы справились.

— Слава богу, — она выдохнула, и я увидел, как расслабились ее плечи. — Прости меня, Тош. За тот разговор у калитки. Я дура была. Ревновала на пустом месте.

— Забыли, — я поцеловал ее в висок. — Ты самая лучшая. И самая красивая здесь. Все остальные просто массовка.

Она засмеялась, и этот смех был для меня лучшей музыкой.

Заиграл медляк. Scorpions, "Wind of Change". Вечная классика школьных дискотек. Я потянул Лизу в центр круга. Она положила руки мне на плечи, я обнял ее за талию. Мы двигались медленно, не попадая в такт, но это было неважно. Важно было только тепло ее тела и то, как она смотрела на меня — с абсолютным доверием.

Я краем глаза заметил, как на нас смотрят. Учителя умилялись, одноклассницы шептались. Мы были «той самой парой», примером для подражания. Ромео и Джульетта местного разлива, только с хеппи-эндом.

И вдруг я почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд. Обернулся.

У стола с напитками стояла Вера.

Она была в красном. Платье в пол, с открытой спиной и разрезом до бедра. Она выглядела не как школьница, а как кинозвезда на красной дорожке. В руке она держала бокал с чем-то золотистым. Она не танцевала, не смеялась с подружками. Она смотрела прямо на нас.

Наши взгляды встретились. Вера чуть приподняла бокал в нежном салюте и улыбнулась. Улыбка была странной — не злой, не доброй, а какой-то... выжидающей. Словно она знала что-то, чего не знал я.

Музыка стихла. Объявили перерыв.

— Фух, жарко, — Лиза обмахнулась ладонью. — Я пить хочу. Схожу к Ане, она вроде лимонад брала. Ты будешь?

— Не, я пока тут отдышусь. Иди.

Я проводил ее взглядом. Мне нужно было собраться с духом, чтобы подарить кулон. Я хотел сделать это красиво, может быть, когда мы пойдем встречать рассвет.

Я отошел к открытому окну, пытаясь глотнуть свежего воздуха. Голова немного кружилась от недосыпа и эйфории.

— Скучаешь, герой?

Я вздрогнул. Рядом, как из-под земли, выросла Вера.

Вблизи она выглядела еще эффектнее. Красное платье облегалo ее фигуру как вторая кожа. От нее пахло теми же сладкими духами, что и тогда, у машины, но сейчас к ним примешивался запах шампанского.

В руках она держала два пластиковых стаканчика.

— Держи, — она протянула мне один. — Шампанское. Настоящее, «Советское». Папа ящик подогнал для учителей, а я пару бутылок стянула.

— Вер, я не пью, ты же знаешь, — я попытался отказаться. — И так голова чумная с дороги.

— Да брось, Тош! — она качнула головой, и ее длинные серьги звякнули. — Это же за здоровье Сергея Петровича. За твоего отца. Я звонила папе, он сказал, профессор его хвалил. Говорит, крепкий мужик, выкарабкается.

Упоминание отца сработало безотказно. Вера знала, куда бить.

— Ну... если за отца, — я неуверенно взял стаканчик.

— И за нас, — добавила она мягко, глядя мне в глаза. В ее взгляде не было той хищности, что я видел раньше. Только тепло и, кажется, искренняя радость. — За дружбу, Антон. Я знаю, Лиза на меня злится, думает, я козни строю. Но я правда хочу, чтобы у вас все было хорошо. Я просто... привыкла помогать, понимаешь?

Ее слова звучали так просто и честно, что мне стало стыдно за свои подозрения. И за Лизины тоже. Вера помогла мне спасти отца, а мы отплатили ей недоверием.

— Спасибо, Вер, — сказал я от души. — Ты настоящий друг. Правда.

— Ну, будем! — она чокнулась своим стаканчиком о мой.

Я сделал глоток. Шампанское было теплым и слишком сладким, с каким-то странным горьковатым привкусом на языке. Я поморщился.

— Кислятина какая-то, — усмехнулся я.

— Это просто полусухое, — рассмеялась Вера, допивая свое. — Ты привык к лимонаду. Пей до дна, плохая примета — оставлять.

Я допил. Пузырьки ударили в нос.

Мы постояли еще пару минут, болтая о ерунде — о экзаменах, о жаре. Вера была милой, смешной, совсем не такой надменной, как обычно. Я расслабился.

А потом мир начал меняться.

Сначала звук музыки стал каким-то ватным, словно мне заложило уши. Потом свет ламп стал невыносимо ярким, он резал глаза, расплываясь радужными кругами.

— Что-то мне... нехорошо, — пробормотал я, хватаясь за подоконник. Ноги вдруг стали мягкими, как пластилин. Земля качнулась.

— Эй, ты чего? — голос Веры доносился словно сквозь толщу воды. — Усталость, наверное. Ты же сутки не спал, плюс алкоголь на голодный желудок. Тебя развезло, Красильников.

Она подхватила меня под локоть. Ее хватка была неожиданно сильной.

— Пойдем, тебе надо сесть. Здесь душно, как в бане.

— Мне надо... к Лизе... — язык ворочался с трудом, слова вязли во рту. — Она ждет...

— Сейчас, сейчас, — ворковала Вера мне на ухо. Ее дыхание щекотало кожу, вызывая мурашки. — Лиза танцует, я видела. Не надо ее пугать своим видом. Отдышишься пять минут и вернешься огурцом.

Я хотел возразить, но сил не было. Я позволил ей увести меня. Мы вышли из зала в темный, прохладный коридор. Здесь было тише, но пол продолжал уходить из-под ног. Стены коридора изгибались, как в кривом зеркале.

— Куда мы?.. — прохрипел я.

— Тут рядом класс открыт. Кабинет литературы. Там диванчик есть. Посидишь, воды дам.

Она толкнула дверь, и мы оказались в полумраке класса. Лунный свет падал из окна, освещая портреты писателей на стенах. Пушкин и Толстой смотрели на меня с укоризной.

Вера усадила меня на первую парту. Я оперся руками о столешницу, пытаясь сфокусировать взгляд. Голова кружилась так, что тошнило. Внутри все горело, но это был не жар болезни, а какой-то странный, липкий огонь, растекающийся по венам.

— Тош... — Вера встала передо мной, загораживая свет. — Как ты?

Я поднял голову. Ее красное платье расплывалось перед глазами алым пятном. Ее лицо двоилось.

И вдруг наваждение изменилось.

Мне показалось, что передо мной стоит не Вера. Я увидел голубое сияние. Знакомый силуэт. Запах яблок и дождя.

— Лиза? — прошептал я. — Это ты?

Вера не ответила. Она сделала шаг вперед, вклиниваясь между моих раздвинутых колен. Ее руки легли мне на плечи, горячие, настойчивые.

— Я здесь, милый. Я здесь.

Голос был похож на Лизин. Или мне так хотелось? Мозг, отравленный химией, играл со мной злую шутку. Я потянулся к ней, ища спасения, ища опору в этом плывущем мире.

— Лиз... я люблю тебя... — выдохнул я, обнимая ее за талию. Ткань платья была гладкой, скользкой. Не шифон. Шелк? Но мой затуманенный разум отбросил эту нестыковку.

Вера наклонилась ко мне. Ее волосы упали мне на лицо, щекоча щеки.

— И я тебя люблю, — прошептала она. — Только тебя.

Она прижалась губами к моим губам.

Это был не нежный поцелуй Лизы. Это было жадно, властно, требовательно. Она целовала меня так, словно хотела выпить душу. Ее язык проник мне в рот, ее руки зарылись в мои волосы, притягивая ближе.

Я был пьян. Я был одурманен. Я не сопротивлялся. Я отвечал, думая, что целую свою невесту, свою судьбу. Мои руки скользнули по ее спине, нащупывая вырез платья, теплую голую кожу.

Где-то на краю сознания билась тревожная мысль: «Что-то не так. Лиза так не целуется. У Лизы нет таких духов». Но дурман был сильнее. Он накрывал меня волнами, утаскивая на дно.

Скрипнула дверь.

Этот звук прорезал туман в моей голове, как вспышка молнии. Я дернулся, открывая глаза.

Поцелуй прервался. Вера отстранилась на миллиметр, но не отпустила меня. Она смотрела не на меня. Она смотрела куда-то мне за плечо, в сторону двери. И на ее лице, освещенном луной, я увидел торжество. Хищное, страшное торжество.

Я с трудом повернул голову. Шея казалась деревянной.

В дверном проеме, в полосе света из коридора, стояла фигурка в голубом платье.

Лиза.

Она стояла, прижав руки ко рту, и ее глаза были огромными, черными дырами на белом лице. В них был такой ужас, такая боль, что меня словно током ударило.

— Лиза... — прохрипел я, пытаюсь встать. — Нет...

Она издала сдавленный звук, похожий на всхлип раненого зверя. Развернулась и бросилась бежать. Я слышал, как стучат ее каблучки по школьному коридору. Удаляются. Навсегда.

Я рванул за ней, но тело предало меня. Ноги подкосились, и я рухнул обратно на парту, едва не свалившись на пол. Я был парализован.

Вера склонилась надо мной. Теперь я видел ее лицо четко. Никакого голубого сияния. Только красное платье и холодные глаза.

— Зачем?.. — прошептал я, чувствуя, как тьма подступает к горлу. — Что ты наделала?..

Она провела пальцем по моим губам, стирая след своей помады.

— Тише, Тоша. Тише, — проворковала она. — Она ушла. Видишь? Она тебя бросила. Не стала разбираться, не стала слушать. Значит, не любила.

— Нет... — я пытался сопротивляться, но веки налились свинцом.

— Спи, — приказала Вера. — Теперь только я. Я буду любить тебя за двоих.

Последнее, что я помнил перед тем, как провалиться в черную яму беспомощности, — это удаляющийся стук каблучков Лизы. Звук, который разбивал мою жизнь на мелкие осколки.

Я потерял ее. Я все разрушил.

Тьма сомкнулась.

Глава 4

Музыка в актовом зале гремела так, что вибрировал пол. Песня сменилась — вместо медляка заиграла какая-то бодрая попса, и толпа выпускников взревела, сливаясь в единый, дергающийся организм. Я стояла у стола с напитками, сжимая в руке два стаканчика с лимонадом. Пластик был липким, теплым и неприятным на ощупь.

Антон не было уже минут двадцать.

Сначала я думала, он просто вышел в туалет или покурить с парнями (хотя он не курил, но на выпускном всякое бывает). Но время шло, а его все не было.

Тревога, та самая, холодная и липкая, которую я гнала от себя весь вечер, снова зашевелилась в груди. Я поставила стаканчики на край стола, едва не опрокинув их, и начала пробираться сквозь толпу.

— Лизка, ты чего такая кислая? Танцуй! — кто-то из одноклассников, кажется, Сережа Петров, попытался схватить меня за руку. От него несло дешевым коньяком.

— Я Антона ищу, — я вырвала руку. — Ты его не видел?

Сережа пьяно хихикнул, подмигнув своему другу:

— Красильникова? Видел. Он с Верой Светлаковой вышел. Ворковали, как голубки. Кажется, ей плохо, а он ее, как рыцарь, поддерживал. Или наоборот... Кто их разберет, этих богатых.

Его слова царапнули меня, как наждачка по стеклу. С Верой. Опять.

— Куда они пошли? — спросила я, чувствуя, как внутри натягивается струна.

— Да в коридор, куда ж еще. Там темно, романтика... — Сережа заржал, довольный своей шуткой.

Я не стала слушать дальше. Я бросилась к выходу, расталкивая танцующих локтями. Кто-то возмущенно вскрикнул, кто-то наступил мне на подол платья, но я даже не обернулась.

В коридоре было тихо и прохладно. После духоты зала этот воздух показался мне ледяным. Я остановилась, прислушиваясь. Тишина. Только басы музыки глухо ухали за дверями актового зала, как гигантское сердце.

Я пошла вперед, заглядывая в темные проемы кабинетов.

«Не накручивай себя, Лиза, — твердила я мысленно. — Ему просто стало плохо. Он устал с дороги. Вера помогла, она же друг. Она же лекарства достала».

Но память услужливо подсовывала другие картинки. Зимнее гадание. Хищная улыбка Веры. Ее рука на его запястье. «Суженый из зеркала всегда приходит за своим».

Я дошла до конца коридора. Кабинет литературы. Дверь была приоткрыта, и оттуда тянуло сквозняком. Я увидела полоску лунного света, падающую на пол.

И услышала шорох. Тихий, интимный звук — шелест одежды, тяжелое дыхание.

Я замерла. Рука сама потянулась к дверной ручке, но пальцы онемели. Я не хотела это видеть. Я знала, что увижу, и молилась всем богам, чтобы ошибиться. Чтобы там был кто угодно — сторож, кошка, другая парочка.

Я сделала шаг и заглянула в щель.

Время остановилось. Мир, который я строила годами, наш маленький, уютный мир с планами на пединститут и общими мечтами, рухнул без звука. Рассыпался в пыль.

На первой парте сидел Антон. Мой Антон. Он не лежал в обмороке, ему не было плохо. Он сидел, обнимая Веру. Его руки — те самые руки, которые час назад гладили меня по спине, — теперь лежали на ее талии, на красном шелке ее платья.

Вера стояла между его ног, вплотную. Она прижималась к нему всем телом, запуская пальцы в его волосы.

И они целовались.

Это был не дружеский поцелуй. Не случайное касание. Это была страсть. Грязная, откровенная, животная страсть. Я видела, как Антон подался вперед, отвечая ей. Видела, как его голова откинулась назад, подставляя шею ее губам.

Меня словно ударили под дых. Воздух в легких закончился, и я не могла сделать вдох.

Они вместе. Все это время.

Слезы не потекли. Для слез было слишком больно. Внутри меня что-то выжгло, оставив только пепел и звенящую пустоту.

Значит, Вера не врала. Она купила его. Лекарствами, деньгами отца, своей красивой жизнью. А он... он продался. Мой честный, гордый Антон продался за дозу комфорта и красное платье.

В этот момент Антон открыл глаза.

Наши взгляды встретились.

Я увидела его лицо в лунном свете. Оно было странным — расфокусированным, пьяным. Но я не стала искать оправданий. Пьяный? Отлично. Значит, истина вылезла наружу. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке... и на губах.

— Лиза... — прохрипел он.

Его голос был слабым, жалким. Он попытался отстраниться от Веры, но она держала его крепко, по-хозяйски. Она тоже повернула голову и посмотрела на меня.

На ее лице не было ни стыда, ни испуга. Только торжество. Чистое, незамутненное торжество победительницы, которая наконец-то загнала добычу в угол. Она чуть улыбнулась уголками губ, и в этой улыбке я прочитала все: «Я же говорила. Он мой».

Меня затошнило. Физически, до спазмов в желудке.

Я не стала кричать. Не стала бить посуду или выдирать ей волосы. Я была слишком гордой для этого. И слишком разбитой.

Я прижала ладонь ко рту, чтобы сдержать рвотный позыв, и попятилась.

— Нет... — выдохнул Антон, пытаясь встать, но его ноги подогнулись, и он рухнул обратно на парту, как марионетка с перерезанными нитками.

Жалкое зрелище.

Я развернулась и побежала.

Прочь от этой комнаты. Прочь от этого запаха лжи и дешевых духов. Прочь от него.

Коридор казался бесконечным. Я бежала, не чувствуя ног. Мои каблук стучали по паркету, как выстрелы. Где-то на повороте я подвернула ногу, острая боль пронзила лодыжку, но я даже не притормозила. Одна туфля слетела. Я скинула вторую на ходу, оставшись босиком.

Так было даже лучше. Холод пола немного остужал горящие ступни.

Я вылетела на школьное крыльцо, едва не сбив с ног дежурного учителя.

На улице бушевала гроза. Небо раскололось надвое, молния озарила двор мертвенно-белым светом. Ливень стоял стеной, смывая пыль, жару и остатки моего детства.

Я шагнула прямо в поток воды.

Ледяные струи ударили по плечам, по лицу, мгновенно промочив тонкий шифон платья. Прическа, над которой мама колдовала два часа, превратилась в мокрые сосульки. Тушь потекла черными ручьями по щекам.

Мне было плевать. Пусть смоем все. Пусть смоем его прикосновения, его взгляды, память о нем.

— Лиза! — раздался крик за спиной.

Из дверей выбежала Аня. Она, видимо, увидела, как я убегаю, и бросилась следом. Она держала над головой какой-то пакет, пытаясь укрыться от дождя.

— Лиза, ты куда?! Стой! Ты же простудишься!

Она догнала меня у ворот, схватила за мокрую руку.

— Что случилось? Почему ты босиком? Где Антон?

При имени Антона меня передернуло. Я вырвала руку.

— Нет больше Антона, — прохрипела я. Голос был чужим, сорванным. — Для меня — нет.

— Ты чего несешь? — Аня округлила глаза. — Вы поссорились?

— Они там... в кабинете, — я ткнула пальцем в сторону темных окон школы. — С Верой. Целуются.

Аня замерла, открыв рот. Вода стекала по ее лицу, смешиваясь с дождем.

— Не может быть... — прошептала она. — Антон же... он же тебя любит. Он же только о тебе говорил!

— Значит, врал, — отрезала я. — Или я была душой. Все, Ань. Не ходи за мной. Оставь меня.

— Лиз, пойдем ко мне! Нельзя же так, в таком виде...

— Я домой, — я развернулась и пошла прочь, шлепая босыми ногами по лужам. Грязь чавкала между пальцами, острые камни резали кожу, но эта физическая боль была спасением. Она заглушала ту, другую, которая разрывала грудную клетку изнутри.

Я шла по улицам Заречья, не прячась. Редкие машины проезжали мимо, освещая меня фарами, как призрак. Наверное, я выглядела безумной — мокрая, босая, в праздничном платье, похожем на тряпку.

Дома было тихо. Окна темные. Мама, слава богу, спала. Она выпила валерьянку перед сном, переволновавшись за меня, и теперь не слышала, как я тихонько открыла дверь своим ключом.

Я проскользнула в свою комнату, оставляя мокрые следы на половицах. Закрyla дверь на щеколду. Прижалась к ней спиной и сползла на пол.

Вот и все. Сказка кончилась. Карета превратилась в тыкву, а принц оказался предателем.

Я сидела в темноте, дрожа от холода и шока. Зубы стучали так, что я боялась разбудить маму.

Надо было что-то делать. Нельзя просто сидеть и выть. Надо действовать.

Я встала, стянула с себя мокрое платье. Оно с противным чавканьем упало на пол. Я пнула его ногой в угол. Ненавижу этот цвет. Ненавижу этот день.

Я пошла в ванную, стараясь не шуметь. Включила горячую воду. Залезла под душ и начала тереть себя мочалкой. Жестко, до красноты, до царапин. Я хотела содрать с себя кожу, к которой прикасался Антон. Смыть его запах, его поцелуи, его ложь.

Я стояла под кипятком, пока кожа не стала пунцовой, а в ванной не сгустился пар.

Потом я вернулась в комнату. Зажгла настольную лампу.

Мой взгляд упал на прикроватную тумбочку. Там, в рамочке, стояла наша фотография. Мы с Антоном год назад, на 1 сентября. Счастливые, смешные. Он обнимает меня за плечи, а я шурю от солнца.

Я взяла рамку. Стекло холодело пальцы.

Я смотрела на его лицо. На эту улыбку, которой я верила больше, чем себе. На ямочку на щеке.

— Ненавижу, — прошептала я. — Ненавижу тебя, Красильников.

Я вытащила фото из рамки. Медленно, с наслаждением, разорвала его пополам. Прямо по линии наших соприкасающихся плеч. Потом еще раз. И еще. Ключки бумаги полетели в мусорное ведро.

Я достала из-под кровати старый чемодан. Раскрыла его на полу.

Я не останусь здесь. Я не смогу ходить по этим улицам, видеть их вместе, ловить на себе жалостливые взгляды Ани и торжествующие — Веры. Я задохнусь здесь.

Я начала кидать в чемодан вещи. Джинсы, свитера, белье. Без разбора. Книги. Тетради.

В ящике стола лежал билет на автобус до областного центра. На 20 июля. Мы планировали ехать вместе, подавать документы.

Я взяла билет. Покрутила в руках.

Областной центр... Там Антон. Он тоже туда поедет. Мы можем встретиться в приемной комиссии, в общежитии, на улице.

— Нет, — сказала я вслух. — Слишком близко.

Я смяла билет и швырнула его вслед за фотографией.

Мне нужно дальше. Туда, где меня никто не знает. Туда, где можно потеряться и стать кем-то другим.

Взгляд упал на корешок книги на полке. «Театральный Петербург». Подарок тети.

Петербург. Огромный, холодный, каменный город. Город, где исполняются мечты или ломаются судьбы. Город, где можно надеть маску и никогда ее не снимать.

Я вспомнила зимнее гадание. Того незнакомца в зеркале. У него были грустные глаза и шарф, как у питерского поэта. Может, это был знак? Знак, что мое место не здесь, не в этой деревне с курицами и предателями, а там, на ветреных набережных?

Я решительно захлопнула чемодан.

Завтра же. Первым поездом.

Я стану актрисой. Я научусь играть счастье так, что никто не заметит, что внутри у меня выжженная пустыня. И когда-нибудь, через много лет, я вернусь сюда, богатая и знаменитая, и посмотрю в глаза Антону Красильникову. И он увидит, кого потерял.

А пока... пока я просто выживу. Назло ему. Назло Вере. Назло всему миру.

Глава 5

Рассвет я встретила сидя на полу. За окном серело небо, но солнце еще не показалось, словно тоже стеснялось освещать то, что осталось от моей жизни. Чемодан, старый, с потертыми кожаными уголками, стоял передо мной раскрытой пастью. Я тупо смотрела на стопку свитеров и не могла вспомнить, положила ли я носки.

Дверь скрипнула. Я не обернулась. Я знала, что это мама. Она всегда просыпалась с первыми петухами, привычка сельской медсестры.

— Лиза? — ее голос был сонным, но в нем уже звенела тревога. — Ты чего вскочила ни свет ни заря? И чемодан... Ты что, уже собираешься? У вас же автобус в область только двадцатого...

Я подняла голову. Глаза жгло от бессонной ночи и высохших слез.

— Я уезжаю сегодня, мам.

Мама замерла в дверях, прижимая к груди старый пуховый платок.

— Как сегодня? Куда? . А Антон... Вы же вместе собирались.

При имени Антона меня передернуло, словно от удара током.

— Нет больше никакого «вместе», — сказала я сухо, удивляясь тому, каким чужим может быть собственный голос. — Мы расстались.

Мама охнула, прикрыв рот ладонью.

— Господи... Да как же так? Вы же... Вы же с пеленок. Поругались, поди? Ну, милые бранятся...

— Мам, не надо, — я встала, чувствуя, как затекли ноги. — Он изменил мне. С Верой. Я видела.

В комнате повисла тишина. Мама смотрела на меня, и я видела, как в ее глазах недоверие сменяется болью за меня. Она знала Антона как родного сына. Она верила ему.

— С Верой... — прошептала она. — Со Светлаковой? Ох, змея... Я знала, что она вокруг него вьется, но Антон... Я думала, у него голова на плечах есть.

— Нет у него головы, мам. И сердца нет.

Я подошла к шкафу, достала с верхней полки коробку из-под обуви. Там хранились «сокровища» — письма, открытки, сувениры. Все, что связывало меня с ним.

— Я еду в Питер, — сказала я, не глядя на маму. — В театральный поступать буду.

— В Питер?! — мама всплеснула руками. — Лиза, окстись! Какой Питер? ... И денег у нас кот наплакал. На билет до области и на месяц общаги отложено, а там... Там же цены столичные!

— Я поступлю на бюджет. И подработку найду. Полы мыть буду, официанткой устроюсь. Мне все равно. Главное — подальше отсюда.

Я открыла коробку. Сверху лежал плюшевый медведь с оторванным ухом — подарок на мое четырнадцатилетие. Антон тогда долго копил, а потом наш пес, Тузик, решил поиграть с игрушкой. Антон сам пришивал это ухо, неумело, крупными стежками.

Я хотела швырнуть медведя в мусорное ведро. Разорвать, как вчера фотографию. Но рука замерла. Пальцы сами погладили плюшевую шерсть.

— Не могу, — прошептала я. — Не могу выбросить.

Я захлопнула коробку и запихнула ее в самый дальний угол антресоли, за старые зимние одеяла.

— Пусть лежит. Пылится. Как и моя любовь.

Мама подошла ко мне, обняла. От нее пахло сном и теплом. Я уткнулась ей в плечо, но слез не было. Я выплакала их все вчера.

— Ну раз решила... — вздохнула мама, глядя меня по голове. — Раз решила — езжай. Нельзя тут оставаться, раз такое дело. Сердце изорвешь. Я сейчас... я сейчас денег достану. У меня на черный день отложены, там немного, но на первое время хватит. И пирогов напеку. В дорогу.

Она ушла на кухню, шмыгая носом. Я слышала, как она гремит кастрюлями, и знала, что она плачет. Мне было стыдно, что я бросаю их тут одних. Но оставаться было невыносимо. Каждый угол в этом доме, каждая улица в поселке напоминали о нем.

Я продолжила сборы. Книги. Томик стихов Есенина. Я открыла его. На форзаце размашистым почерком Антона было написано: «Лизе, моей музе. Читай и помни, что ты самая красивая».

Я с силой захлопнула книгу. Хлопок прозвучал как выстрел в утренней тишине. Книга полетела в чемодан, на самое дно. На шум вошел папа. Он ничего не говорил, он все слышал в соседней комнате. Папа подошел ко мне и просто обнял.

-Езжай дочка, и будь счастлива!

Я уткнулась ему в плечо и беззвучно заплакала..

Вдруг в дверь постучали.

Громко, настойчиво. Кулаком.

Я замерла. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Я знала этот стук.

— Лиза! — голос Антона, хриплый, сорванный, донесся с крыльца. — Лиза, открой! Я знаю, ты дома!

Меня затрясло. Я прижалась спиной к стене, сползая на корточки. Только не это. Я не готова. Я не хочу его видеть. Не хочу слушать его оправдания.

— Лиза! Пожалуйста! Нам надо поговорить!

Мама вышла в коридор, вытирая руки о фартук. Она посмотрела на меня в открытую дверь из коридора. Я замотала головой, прижимая палец к губам.

— Не открывай, — одними губами прошептала я. — Меня нет. Я умерла.

Папа сначала хотел выйти на крик, но я жестом остановила его.

Мама кивнула. Ее лицо стало суровым. Она подошла к двери, но не открыла замок.

— Уходи, Антон, — сказала она громко, через дверь.

— Тетя Валя! — Антон колотил в дверь. — Мне Лиза нужна! Это ошибка! Я все объясню!

— Какая ошибка? — голос мамы дрогнул от гнева. — Дочка вчера пришла босая, мокрая, лица на ней не было! Ошибка — это то, что ты с ней сделал. Уходи, пока я милицию не вызвала или кочергой не отходила. Ирод!

— Тетя Валя, пустите! Я люблю ее!

— Любил бы — не тискался бы с Веркой по углам! Все, Антон. Нет ее для тебя. Ушла она.

— Куда ушла?!

— В новую жизнь ушла. Подальше от твоей грязи.

За дверью наступила тишина. Я слышала тяжелое дыхание Антона. Мне казалось, я чувствую его тепло через дерево двери. Мне хотелось вскочить, распахнуть замок, ударить его по лицу, а потом обнять.

Но я сидела, сжавшись в комок, и кусала кулак, чтобы не завывать.

Послышались шаги. Он уходил. Медленно, шаркающей походкой старика.

— Прости... — донеслось тихое с улицы.

Я закрыла лицо руками. Это была точка. Жирная, черная точка в конце нашей истории.

Через час мы вышли из дома.

Мы шли огородами, по узким тропинкам между заборами, чтобы не встретить соседей. Чемодан был тяжелым, колесики вязли в сырой после дождя земле. Мама несла сумку с пирожками и банку соленых огурцов («В общаге пригодится, Лиза, не спорь»).

Утро было серым, промозглым. Туман стелился по земле, скрывая очертания домов. Собаки лениво брехали из будок.

— Лизка! — окликнул кто-то.

Я вздрогнула. На тропинке, у куста сирени, стояла Аня. Она была в домашнем халате, накинутом поверх ночной рубашки, и в галошах на босу ногу. Видно было, что она бежала.

— Ты куда? С чемоданом? — Аня смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— В Питер, Ань, — сказала я, не останавливаясь. — Прости, мне пора. Поезд через сорок минут.

Аня бросилась ко мне, схватила за рукав.

— Стой! Ты с ума сошла? Какой Питер? А Антон? Он же с ума сходит! Он мне звонил в шесть утра, плакал! Говорит, ничего не помнит, говорит, Вера его опоила чем-то!

Меня передернуло. Опоила. Конечно. Удобная версия.

— Аня, — я высвободила руку. — Если ты мне друг — молчи. Не верь ему. Я видела своими глазами. Он целовал ее. Он хотел этого. А то, что он сейчас «не помнит» — это трусость.

— Лиз, ну не руби с плеча! — Аня заплакала. — Вы же такая пара...

— Были пара. Сплыли. Ань, послушай меня. — Я посмотрела ей в глаза. — Не говори ему, куда я уехала. Пожалуйста. Если он спросит — скажи, не знаешь. Скажи, в Москву, на Луну, куда угодно. Только не правду.

— Но...

— Пообещай! Или я тебя знать не хочу.

Аня всхлипнула и кивнула.

— Обещаю.

Я обняла ее быстро, сухо.

— Прощай, Анька. Будь счастлива. И не давай Вере себя использовать.

Я подхватила чемодан и пошла дальше, не оборачиваясь.

На станции былолюдно. Дачники с тележками, сонные командировочные. Пахло углем и мазутом — запахом разлуки.

Мы купили билет. Плацкарт, боковая полка у туалета. Все, что было.

— В Питер... — кассирша, тетка с начесом, покачала головой. — Далеко собралась, Ветлугина. Артисткой стать хочешь?

— Хочу, — ответила я.

Поезд подошел с грохотом и скрежетом. Зеленый дракон, который должен был унести меня в другой мир.

Мама заплакала. Она крестила меня дрожащей рукой, поправляла воротник моей куртки.

— Береги себя, доченька. Не голодай. Шапку носи. И пиши. Сразу телеграмму дай, как доберешься.

— Мам, ну не плачь. Я же не на войну. — Я сама едва сдерживала слезы. — Я буду писать. И звонить с почты буду.

— Деньги береги. Не доверяй никому. Городские — они ушлые.

Проводница, строгая женщина в форме, крикнула:

— П посадка заканчивается! Провожающие, отойдите от вагонов!

Я обняла маму в последний раз. Крепко, до хруста костей. Она пахла домом, тем, что я теряла.

— Я люблю тебя, мам. Прости, что бросаю. И берегите себя.

— Езжай, Лиза. Езжай и стань счастливой. За нас обеих.

Я запрыгнула на подножку. Проводница проверила билет, буркнула что-то. Я прошла в вагон, нашла свое место. Бросила чемодан под полку.

Поезд дернулся. Вагон лязгнул буферами. Платформа медленно поплыла назад.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Мама стояла на перроне, маленькая, одинокая фигурка, и махала платком.

И тут я увидела его.

Антон.

Он выбежал на перрон из здания вокзала. Растрепанный, рубашка наполовину расстегнута, лицо красное. Он бежал, расталкивая людей.

— Лиза! — я не слышала его голоса за стуком колес, но видела, как шевелятся его губы. — Лиза, стой!

Он бежал за моим вагоном. Он видел меня в окне. Его глаза были полны такого отчаяния, такой боли, что у меня перехватило дыхание.

Моя рука дернулась к стоп-крану. Красная ручка была так близко. Одно движение — и поезд встанет. Я могу выйти. Я могу выслушать его. Может, Аня права? Может, Вера и правда его опоила?

Но тут в памяти всплыла картинка из школьного кабинета. Его руки на ее талии. Его губы на ее шее. Торжествующая улыбка Веры.

Нет.

Я не могу это забыть. Я не могу с этим жить. Даже если он не виноват — грязь уже на нем. И на мне.

Я резко опустила плотную шторку окна.

Мир за стеклом исчез. Исчезла мама, исчез Антон, исчезло Заречье. Осталась только пыльная ткань с эмблемой РЖД.

Я села на полку, сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони.

Поезд набирал ход. Колеса отстукивали ритм: так-так, так-так. Прочь-прочь, прочь-прочь.

— Все, — сказала я вслух. В купе никого не было, только какой-то мужик храпел на верхней полке. — Я не сломаюсь.

Я достала из сумки зеркальце. Маленькое, карманное. Посмотрела на свое отражение. Красные глаза, размазанная тушь (я забыла ее смыть вчера), бледные губы.

— Ты станешь актрисой, Лиза Ветлугина, — сказала я своему отражению. — Ты научишься играть счастье так, что сама в него поверишь. Ты забудешь его имя. А когда вы встретитесь — а вы встретитесь, мир тесен — он увидит королеву, а не ту девочку, которой можно вытереть ноги.

Я убрала зеркало. Я ехала в Петербург. Город туманов, призраков и, как оказалось, моей судьбы. Но об этом я еще не знала. Я знала только одно: Антон Красильников остался на той платформе. В прошлом.

Глава 6(Антон)

(от лица Антона)

Пробуждение было похоже на всплытие со дна мутного, заросшего тиной пруда. Сначала вернулись запахи — меловой пыли, старого дерева и чьих-то приторно-сладких, удушливых духов. Потом накатила боль. Голова раскалывалась так, словно череп сжали в тиски и медленно, с садистским удовольствием закручивали винт. Во рту пересохло, язык прилип к небу, а на губах был отвратительный металлический привкус, от которого мутило.

Я попытался открыть глаза, но застонал и зажмурился, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

— Тише, Тош. Не делай резких движений.

Голос донесся откуда-то сбоку. Мягкий, воркующий, но от него у меня почему-то побежали мурашки по спине.

Я с трудом повернул тяжелую, гудящую голову и снова приоткрыл один глаз.

Я лежал на старом кожаном диванчике в кабинете литературы. Тот самый класс, куда меня привела Вера.

Рядом, на учительском стуле, сидела Вера.

Она не спала. Она сидела прямо, положив ногу на ногу, и смотрела на меня. На ней все еще было то красное платье, но теперь оно казалось мне не шикарным, а кричащим, вульгарным. Ее макияж был безупречен, ни единой смазанной линии, словно она и не провела ночь в душном классе. На плечах у нее был накинута мой пиджак.

— Воды хочешь? — она протянула мне бутылку с минералкой.

Я сел, преодолевая головокружение. Жадно припал к горлышку. Вода была теплой, противной, но я пил, не в силах остановиться, пока бутылка не опустела наполовину.

Память возвращалась кусками, вспышками, как кадры испорченной киноплёнки.

Шум бала. Улыбка Лизы. Шампанское, которое дала Вера. Станный вкус. Головокружение. Коридор, который изгибался, как змея. Этот класс...

Меня прошиб холодный пот.

— Что было? — мой голос был хриплым, чужим, словно я наглотался песка. — Я... я отключился?

Вера вздохнула, поправляя мой пиджак на своих плечах. Жест был собственническим, интимным.

— Ты перебрал, Антош. Шампанское на голодный желудок, плюс усталость с дороги. Тебя развезло мгновенно. Я привела тебя сюда, чтобы ты продышался. А ты...

Она замолчала, отводя взгляд. На ее щеках появился легкий румянец. Искусный, театральный румянец.

— Что я? — внутри все сжалось от дурного предчувствия.

— Ты был очень... настойчив, — она коснулась своих припухших губ кончиками пальцев с алым маникюром. — Мы целовались. Ты говорил, что любишь меня. Что Лиза — это ошибка, детская привычка. А я — настоящая. Огонь.

Ее слова падали в тишину тяжелыми камнями, разбивая мою реальность.

— Нет... — выдохнул я, мотая головой. Боль в висках усилилась. — Не может быть. Я люблю Лизу. Я не мог такого сказать. Это бред.

— Мог, — жестко отрезала Вера. Ее голос вдруг стал стальным. — И сказал. И не только сказал. Ты обнимал меня так, что у меня синяки останутся. Если бы ты не отключился в самый ответственный момент... не знаю, чем бы все закончилось.

В голове вспыхнула картинка. Яркая, четкая, словно выжженная клеймом на сетчатке.

Дверь. Полоска света из коридора. И силуэт в голубом платье.

Лиза.

Она стояла там. Она видела нас.

— Лиза... — я вскочил на ноги, не обращая внимания на то, что пол уходит из-под ног.
— Она была здесь! Она видела!

Вера не стала отрицать. Она кивнула, глядя мне прямо в глаза с пугающим спокойствием.

— Видела. Зашла. Постояла и убежала.

— И ты молчала?! — я заорал, хватаясь за голову. — Почему ты меня не разбудила? Почему не остановила ее? Почему не сказала ей, что мне плохо?!

— А зачем? — Вера пожала плечами. — Чтобы она опять закатила сцену? Она увидела то, что есть, Антон. Мы с тобой — пара. Мы подходим друг другу. А она... она просто сбежала. Как трусиха.

Я смотрел на Веру и не узнавал ее. Где та добрая подруга, которая давала лекарства для отца? Где та смешливая девчонка? Передо мной сидела чужая, холодная женщина, которая рассуждала о моей жизни, как о разыгранной партии в шахматы. И я в этой партии был пешкой.

— Ты... — я задохнулся от гнева и внезапной догадки. — Ты все подстроила. Шампанское... Оно было странным. Горьким. Ты что-то подмешала?

Вера рассмеялась. Звонко, искренне, запрокинув голову.

— Ты параноик, Красильников. Скажи спасибо, что я тебя тут не бросила валяться. Я сидела с тобой всю ночь, охраняла твой сон, пока твоя ненаглядная Лиза дрыхла в своей теплой постельке.

Я не стал дослушивать. Меня мутило от ее голоса, от ее духов, от ее присутствия. Я схватил свой пиджак, сдернув его с ее плеч, и, шатаясь, рванул к двери.

— Стой! Куда ты?! — крикнула она мне в спину. В голосе прорезались истеричные нотки.

— К ней! Я должен ей все объяснить!

— Поздно! — крик Веры догнал меня в коридоре, ударил в спину, как нож. — Она тебя ненавидит!

Я вылетел из школы.

Улицы Заречья были пустынные. Ветер гонял по асфальту мусор — обрывки лент, пустые бутылки, конфетти. Праздник кончился. Осталось только похмелье.

Я бежал, не чувствуя ног. Рубашка, расстегнутая на груди, хлопала на ветру. Я, наверное, выглядел как сумасшедший, но мне было плевать.

Главное — успеть. Главное — увидеть ее глаза. Упасть на колени. Вымолить прощение. Я скажу ей, что был одурманен. Что Вера лжет. Лиза поверит. Она должна поверить. Мы же любим друг друга.

Я добежал до дома Ветлугиных за десять минут, срезая углы через дворы. Легкие горели огнем.

Дом стоял тихий, сонный. Окна зашторены.

Я взлетел на крыльцо и заколотил кулаком в дверь.

— Лиза! Открой! Это я!

Тишина. Потом за дверью послышались шаркающие шаги.

— Кто там? — голос тети Вали, мамы Лизы, звучал глухо и настороженно.

— Тетя Валя, это Антон! Откройте, пожалуйста! Мне Лиза нужна!

Замок не щелкнул. Шаги затихли у самой двери.

— Уходи, Антон, — сказала она. В ее голосе не было привычного тепла, только усталость и ледяное отчуждение.

— Тетя Валя! — я прижался лбом к косяку. — Я все объясню! Это ошибка! Я не виноват!

— Какая ошибка? — в голосе матери звенели слезы. — Дочка вчера пришла босая, мокрая, лица на ней не было... Всю ночь проплакала. Уходи, пока я милицию не вызвала. Ирод!

— Тетя Валя, пустите! Я люблю ее! Позовите Лизу, пусть она сама скажет!

— Не выйдет она. Нет ее для тебя больше. Ушла она.

— Куда ушла? — я похолодел.

— В новую жизнь ушла. Подальше от твоей грязи. Все, Антон. Уходи.

Я слышал, как она отходит от двери.

— Лиза! — заорал я в отчаянии, надеясь, что она услышит меня через стены, через свою обиду. — Лиза, я люблю тебя! Это Вера... она меня опоила! Я ничего не помню!

Тишина. Дом молчал. Шторы на окнах даже не шелохнулись.

Я постоял еще несколько минут, чувствуя, как отчаяние сжимает горло ледяной рукой. Они не откроют. Не сейчас. Лиза обижена, мама защищает дочь. Мне нужно дать им время. Пусть остынут.

Я медленно спустился с крыльца. Ноги были ватными. Я не мог идти домой — там мама будет задавать вопросы, а я не готов отвечать. Мне нужно было место, где я мог бы собрать себя по кускам.

Ноги сами принесли меня к реке. К нашему месту под старой ивой.

Здесь все было так же, как вчера. Только учебников не было. И Лизы не было.

Я сел на землю, прислонившись спиной к шершавому стволу. Закрыв глаза. Перед внутренним взором стояло лицо Лизы в дверном проеме класса. Ее ужас. Ее боль.

— Дурак, — прошептал я. — Какой же я дурак.

Я просидел там долго. Может, час. Может, два. Солнце уже встало и начинало пробивать верхушки деревьев, но меня бил озноб. Я прокручивал в голове события вчерашнего вечера, пытаюсь найти момент, когда все пошло не так. Шампанское. Чертово шампанское. Вера знала, что делает.

Злость начала закипать во мне. Холодная, яростная злость. Я разберусь с Верой. Но сначала — Лиза. Я не сдамся. Я буду сидеть под ее дверью хоть сутки, хоть неделю. Я докажу ей.

Я встал, отряхнул брюки. Голова все еще кружилась, но теперь у меня была цель.

Я снова побежал к дому Ветлугиных.

На часах было 6:40. Поселок просыпался. Где-то кукарекали петухи, слышался стук ведер.

Я влетел во двор Лизиного дома.

— Лиза! Тетя Валя! Я не уйду!

Но в этот раз дом встретил меня другой тишиной. Мертвой. Пугающей.

Окна были темными, безжизненными. Я взбежал на крыльцо, дернул ручку. Дверь не поддавалась.

На дужке висел тяжелый амбарный замок.

Я замер. Замок? Но тетя Валя была дома час назад...

Я обошел дом вокруг. Заглянул в окно Лизиной комнаты, прижавшись лицом к стеклу. Сквозь щель в шторах я увидел кровать. Она была пуста. Матрас свернут, белья нет. На столе — чистота, ни одной рамки с фото, ни одной книги.

Комната выглядела так, словно в ней никто не жил.

Меня прошиб пот. Это было не просто «мы ушли в магазин». Это было бегство.

— Эй, парень! Чего ломишься?

Я вздрогнул и обернулся. За соседним забором стояла бабка Петровна, опираясь на таяпку. Она смотрела на меня с любопытством.

— Петровна! — крикнул я, подбегая к штaketнику. — Где они?! Замок висит!

— Так ушли они, — прошамкала старуха, поправляя платок. — Еще полчаса назад, а то и больше. Валька с сумками, а Лизка — с чемоданом здоровым. Огородами пошли, чтоб не видел никто.

— С чемоданом? — земля ушла у меня из-под ног. — Куда?

— Да кто ж их знает. На станцию, поди. К поезду торопились. Больше некуда с чемоданами в такую рань.

Я глянул на часы. 6:45.

Первый поезд на город — в 7:00.

«В новую жизнь ушла», — сказала тетя Валя. Я думал, это метафора. А это был план.

— Спасибо! — крикнул я, уже срываясь с места.

Вокзал был на другом конце поселка. Три километра. У меня было пятнадцать минут.

Я бежал так, как не бегал никогда. Легкие горели, сердце билось о ребра, как птица в клетке. Я не чувствовал усталости, не чувствовал боли в мышцах. Только дикий, животный страх.

Если она сядет в этот поезд — я потеряю ее.

Я срезал путь через пустырь, перепрыгивая через канавы, путаясь в высокой траве. Ветки хлестали по лицу, оставляя царапины.

Впереди показалось здание вокзала. Серое, приземистое.

И гудок. Длинный, протяжный гудок тепловоза.

— Нет! — выдохнул я. — Нет, нет, нет!

Я вылетел на перрон.

Поезд уже тронулся. Зеленые вагоны лязгнули буферами и медленно поползли вдоль платформы. Колеса начали отстукивать свой ритм: так-так, так-так.

Я побежал за поездом.

— Лиза! — заорал я, срывая голос. — Стой! Лиза!

Я всматривался в окна проплывающих вагонов. Сонные лица пассажиров, занавески, кружки с чаем. Где она?

Последний вагон.

В окне мелькнуло знакомое лицо. Бледное, с огромными глазами. Лиза. Она сидела у окна, прижав ладонь к стеклу.

Она видела меня. Я знал, что она видит.

— Лиза! Не уезжай! — я бежал из последних сил, протягивая руку к вагону, словно мог его удержать. — Я люблю тебя!

На мгновение мне показалось, что она дернулась, хотела встать. В ее глазах была такая боль, что я почти физически ощутил ее.

Но потом ее лицо изменилось. Оно стало жестким, решительным.

Белая рука схватила плотную серую шторку. Рванула вниз.

Резко. Окончательно.

Окно закрылось. Лиза исчезла. Осталась только пыльная ткань с эмблемой РЖД.

Поезд набирал ход. Последний вагон проплыл мимо, обдав меня ветром и запахом гари. Красные огни хвостовых фонарей удалялись, превращаясь в точки.

Я остановился. Грудь разрывало так, что я не мог вдохнуть. Я упал на колени прямо на грязный асфальт перрона, раздирая брюки.

Опоздал.

Я сидел на коленях, глядя вслед уходящему поезду, и по моим щекам текли слезы. Я не стыдился их. Мне было все равно. Моя жизнь уезжала в этом поезде.

Кто-то тронул меня за плечо.

Я поднял голову. Рядом стояла Аня. Подруга Лизы. Она была в домашнем халате и галошах, лицо заплаканное.

— Аня... — я схватил ее за руку, пачкая ее рукав пылью. — Куда она поехала? Скажи! Я поеду следующим поездом! Я найду ее!

Аня всхлипнула, отводя взгляд.

— Не надо, Антон.

— Скажи! — я тряхнул ее. — Ты знаешь! Вы же подруги! Куда она взяла билет? Аня посмотрела на меня. В ее глазах была жалость, смешанная с упреком.

— Она просила не говорить. Она взяла с меня слово.

— Плевать на слово! Это моя жизнь! Это Вера все подстроила, ты же знаешь Веру! Я не изменял ей, Аня!

— Знаю, — тихо сказала Аня. — Может быть. Но Лиза видела то, что видела. Ты разбил ей сердце, Антон. Она сказала... она сказала, что ненавидит тебя.

Эти слова ударили сильнее, чем пощечина. Ненавидит.

Я медленно разжал пальцы.

— Куда она поехала, Аня? — спросил я мертвым голосом. — Просто скажи. Я не поеду за ней, если она не хочет. Я просто... должен знать.

Аня помедлила. Я видел, как она борется с собой.

— В Москву, — соврала она, глядя мне в переносицу. — Или в Саратов... к тетке. Я не запомнила. Она сама не знала. Просто купила билет на первый попавшийся и уехала.

Она врала. Я чувствовал это кожей. Но я не стал давить. Если Лиза хочет спрятаться от меня так сильно, что заставляет подруг врать... значит, все кончено.

— Спасибо, — я поднялся с колен. Ноги дрожали. — Иди домой, Аня.

Я побрел прочь с вокзала. Я не пошел домой. Я бродил по улицам до вечера, пока не стемнело.

Вечером я вернулся. Мама сидела на кухне, переживала за отца.

Я зашел в свою комнату. Сел на кровать. Достал из кармана бархатную коробочку с кулоном. Серебряный голубь. Символ верности. Какая злая ирония.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стояла Вера.

Она переоделась, умылась. Выглядела свежей, собранной. В руках у нее была сумка с продуктами.

— Привет, — сказала она спокойно, ставя пакет на стол. — Я тут поесть принесла. Твоей маме не до готовки сейчас.

Я смотрел на нее. Странно, но гнева не было. Гнев выгорел, оставив после себя только пепел и холодную пустоту. Я смотрел на нее как на стихийное бедствие. Как на ураган, который разрушил мой дом. Нельзя злиться на ураган.

— Зачем ты пришла? — спросил я безжизненным голосом.

— Помочь, — она села напротив, положив руки на стол. — Антош, я знаю, тебе больно. Но жизнь продолжается. Отец в больнице, ему нужны лекарства, уход. Ты сейчас единственный мужчина в семье. Ты не можешь раскисать.

Она говорила правильные вещи. Страшные, циничные, но правильные.

— Лиза уехала, — продолжила она, видя, что я молчу. — Она сделала свой выбор. Она бросила тебя. А я здесь. Я рядом.

— Ты все это подстроила, — сказал я. — Ты отравила меня.

Вера не дрогнула. Она выдержала мой взгляд.

— Я боролась за свое счастье. Да, методы жесткие. Но победителей не судят. Я люблю тебя, Антон. Больше, чем она. Она сбежала. А я буду с тобой, даже если ты меня прогонишь.

Я усмехнулся.

— Я не люблю тебя, Вера. И никогда не полюблю.

— Полюбишь, — уверенно сказала она. — Стерпится — слюбится. Нам с тобой в один вуз поступать. В один город ехать. Я помогу тебе с учебой, с отцом. Мой папа все оплатит. Ты только будь рядом.

Я посмотрел на кулон в своей руке. Потом на Веру.

У меня не было выбора. У меня был больной отец, долги и разбитое сердце. Лиза уехала в неизвестность, ненавидя меня. Мне не для кого было быть гордым.

Я захлопнул коробочку. Щелчок прозвучал как выстрел.

— Ладно, — сказал я. — Поехали. В областной. Мне все равно, где быть.

Вера улыбнулась. Она встала, подошла ко мне и положила руки мне на плечи, обнимая.

— Ты не пожалеешь, Тоша. Мы будем счастливы. Вот увидишь.

Я не ответил. Я смотрел в темное окно, где начинался дождь. Моя жизнь кончилась сегодня утром на вокзале, под стук колес уходящего поезда. А то, что начиналось сейчас... это была просто сделка с дьяволом. И мне было все равно.

Глава 7

В гримерке пахло пылью, лаком для волос и дешевой пудрой. Этот запах въелся в мои поры, в волосы, в самую кожу за пять лет учебы в театральной академии. Он стал моим запахом — запахом притворства.

Я сидела перед зеркалом, обрамленным тусклыми лампочками, и смотрела на свое отражение. На меня смотрела не Лиза Ветлугина, девочка из Заречья, которая плакала из-за разбитого сердца. На меня смотрела Медея. Трагическая, жестокая, с черными кругами подведенных глаз и кроваво-красными губами.

Дипломный спектакль закончился десять минут назад. Зал аплодировал стоя. Кричали «Браво!». Ректор жал мне руку, предрекая великое будущее. А я чувствовала только опустошение.

Я взяла ватный диск, смочила его мицеллярной водой и провела по щеке. Слой грима остался на вате серо-бежевым пятном.

Еще движение — и исчезла Медея. Появилась просто Лиза.

Только другая.

За пять лет я научилась не только играть на сцене. Я научилась играть в жизни. Я больше не носила ситцевых платьев и не заплетала косы. Мои волосы были коротко острижены — стильное каре, открывающее шею. Взгляд стал жестче, холоднее. Я научилась смотреть на мужчин так, что они либо робели, либо закипали от желания, но близко не подходили. Броня.

— Лизка! — дверь гримерки распахнулась, и влетела Маринка, моя однокурсница, яркая, шумная, как цыганский табор. — Ты чего тут киснешь? Все уже собираются!

— Я не пойду, Марин, — я продолжила стирать помаду. — Устала. Голова трещит.

— Здрасьте, приехали! — Маринка плюхнулась на соседний стул. — Отвальная же! В «Этажах»! Там весь бомонд будет. Говорят, сам Аверин придет.

Я замерла на секунду. Клим Аверин. Звезда сериалов, любимец женщин и мечта режиссеров. Я видела его пару раз в коридорах академии — он иногда давал мастер-классы, но мы никогда не пересекались.

— И что мне Аверин? — я выкинула грязную вату в урну. — Очередной самовлюбленный павлин.

— Дура ты, Ветлугина, — беззлобно фыркнула Маринка. — Он кастинг проводит. Ищет главную героиню в новый фильм. Это твой шанс! Ты сегодня так играла... Если он тебя увидит, роль твоя. Пошли! Ну Лиз! Не будь букой.

Я вздохнула. Маринка была права. Отказываться от таких шансов в нашей профессии — самоубийство. А я поклялась себе пять лет назад, в плацкартном вагоне поезда, что стану лучшей. Что докажу всем. И ему.

— Ладно, — сказала я, поднимаясь. — Только ненадолго.

Мы вышли на улицу. Петербург встретил нас привычной сыростью. Мелкий, морозящий дождь висел в воздухе водяной пылью, оседая на лице. Ветер с Невы пробирал до костей, но я привыкла. Я любила этот холод. Он отрезвлял.

Я достала из сумочки пачку тонких сигарет. Щелкнула зажигалкой. Дым заполнил легкие, успокаивая нервы. Пять лет назад я бы умерла от кашля, а сейчас это была часть ритуала.

Телефон в кармане пальто завибрировал.

«Мама».

Сердце кольнуло привычной виной. Я не была дома 5 лет. Мне было физически больно находиться в Заречье. Каждый куст, каждый забор кричал о прошлом.

— Да, мам, привет.

— Лизонька... — голос мамы звучал глухо, устало. — Как ты там? Сдала?

— Сдала, мам. Все отлично. Диплом в кармане.

— Умница, дочка. Горжусь тобой.

Пауза. Я слышала, как она дышит в трубку. Тяжело, с присвистом.

— Мам, что-то случилось?

— Да нет... Просто соскучилась. И папа... Сдал он, Лиз. Спина совсем не гнется, да и сердце пошаливает. Он все про тебя спрашивает. Может, приедешь? Хоть на недельку?

Я затаилась, глядя на серые воды канала Грибоедова. Ехать не хотелось. Но совесть грызла. Они старели без меня.

— Приеду, мам. У нас гастроли через две недели, а до этого я свободна. Приеду послезавтра.

— Ой, радость-то какая! — голос мамы дрогнул. — Я пирогов напеку. Ждем, дочка.

Я сбросила вызов и затушила сигарету о мокрый парпет. Приеду. Снова пройду по этим улицам. Увижу их.

Антон.

Я ничего не знала о нем. Запретила маме и Ане (с которой иногда созванивалась) говорить о нем. Знала только, что он остался в деревне. Работает в школе. Женился он на Вере или нет — я не спрашивала. Боялась услышать ответ.

— Эй, такси ждет! — крикнула Маринка, маша рукой из желтой машины.

Я села на заднее сиденье.

— В «Этажи», пожалуйста.

Арт-лофт «Этажи» гудел, как улей. Полумрак, клубы дыма, звон бокалов, джаз, перекрываемый смехом. Здесь собралась вся творческая тусовка Питера. Актеры, художники, режиссеры, непризнанные гении и просто богатые бездельники, ищущие муз.

Я чувствовала себя здесь своей и чужой одновременно. Я знала правила игры. Улыбаться, держать бокал с вином так, чтобы свет играл в рубиновой жидкости, говорить загадочные фразы и не подпускать никого ближе вытянутой руки.

— Ветлугина! Блестящая работа! — ко мне подплыл с бокалом шампанского какой-то критик в вельветовом пиджаке. — Ваша Медея... столько боли, столько страсти! Откуда это в такой юной леди?

Я улыбнулась одними губами.

— Секрет фирмы, Аркадий Львович.

— Может, обсудим ваше будущее за ужином? Я знаю одно чудесное место...

— Простите, я сегодня не ужинаю. Диета.

Я технично ускользнула от него к барной стойке. Заказала сухое красное.

Вокруг шептались.

— Аверин пришел!

— Да ладно? Где?

— Вон там, у окна. Смотри, какой...

Я невольно повернула голову. Мне было любопытно. Столько шума из-за одного человека.

У панорамного окна, спиной к залу, стоял мужчина. Он не красовался, не смеялся громко, как остальные. Он просто стоял и смотрел на ночной город, словно ему было невыносимо скучно здесь.

На нем было темное пальто с поднятым воротником и небрежно намотанный шарф.

Я видела только его спину.

Вдруг он начал поворачиваться. Медленно, словно почувствовав мой взгляд.

Я не могла оторвать глаз. В баре, прямо напротив меня, висело огромное зеркало в винтажной раме, отражающее зал.

Взгляд Клима Аверина встретился с моим в отражении.

У меня выскользнул бокал из пальцев.

Дзынь!

Стекло разлетелось мелкими брызгами, вино плеснуло на мои светлые брюки, как кровь.

Но я этого не заметила.

Я смотрела в зеркало.

И меня накрыло ледяной волной ужаса.

Это было то же самое лицо.

То же самое, что я видела пять лет назад в избе бабки Матрены. В мутном, старом стекле, при свете дрожащей свечи.

Те же темные, слегка выющиеся волосы. Те же высокие скулы. Тот же пронзительный, бесконечно грустный взгляд темных глаз. И этот шарф... Господи, даже шарф был похож!

Меня затрясло. В горле встал ком.

«Этого не может быть, — билась мысль. — Это совпадение. Галлюцинация. Я просто переутомилась».

Но разум, мой холодный, циничный разум, который я так старательно воспитывала, отказал. Мистика, которую я считала деревенскими сказками, вдруг ворвалась в мою жизнь, выбив дверь с ноги.

Клим смотрел на меня в зеркале. Он не улыбался. Он смотрел так, словно узнал меня.

Он повернулся полностью. Теперь я видела его вживую. Он был реальным. Высокий, статный, с легкой небритостью. Он посмотрел на разбитый бокал у моих ног, потом снова мне в лицо.

И пошел ко мне.

Я хотела бежать. Но ноги приросли к полу. Я вцепилась в барную стойку, чтобы не упасть.

Он подошел. Вблизи он оказался еще красивее, чем на экране. От него пахло дорогим табаком, дождем и чем-то неуловимо знакомым — полынью? Нет, показалось.

— Осторожно, — его голос был низким, бархатным, обволакивающим. — Не порежьтесь. Это плохая примета — бить посуду, если она пустая. А ваша была полна. Значит — к счастью.

Он улыбнулся, но глаза остались серьезными.

— Я... я просто неловкая, — пробормотала я, чувствуя себя глупой первокурсницей. Вся моя броня, вся моя «снежная королева» рассыпалась в прах.

Клим наклонил голову, изучая меня.

— Мы знакомы? — вдруг спросил он.

Вопрос ударил под дых.

— Нет, — быстро ответила я. — Я вас знаю, конечно. Вы Клим Аверин. А я... я никто. Студентка.

— Лиза, — он прочитал мое имя на бейджике, который нам выдали на входе (дурацкая традиция «Этажей»). — Елизавета. Красивое имя. Царское.

Он замолчал, продолжая смотреть мне в глаза. В этом взгляде не было пошлости, не было желания затащить в постель. В нем было... узнавание?

— Странно, — сказал он тихо, словно сам себе. — У меня такое чувство, что я вас ждал. Давно.

Меня прошиб холодный пот.

— Вы всем так говорите? — я попыталась включить сарказм, но голос дрогнул.

— Никогда, — серьезно ответил он. — Я видел вас сегодня на сцене. Медея. Вы были великолепны. Столько боли... Откуда она у вас, Лиза? В такие годы?

— Жизнь научила, — буркнула я, отступая на шаг. Мне было страшно. Он был слишком проницательным. И слишком похож на того призрака из зеркала.

Если зеркало не врало про него... Если оно показало мне его пять лет назад... Значит, оно не врало и про Антона? Про Веру? Про измену?

Или наоборот? Если судьба привела меня к Климу, значит, Антон был ошибкой?

Голова шла кругом.

— Я ищу актрису, — сказал Клим, не сводя с меня глаз. — В новый фильм. Драма. Женщина, которая потеряла все, но нашла силы жить. Я смотрел на вас сегодня и думал: «Вот она».

Он достал визитку. Простую, черную, с золотым тиснением.

— Позвоните мне. Завтра. Мы обсудим пробы.

Я взяла визитку. Пальцы дрожали.

— И... Лиза? — он коснулся моей руки. Его ладонь была горячей. — Давайте я вас подвезу? Вы выглядите так, словно увидели привидение.

— Нет! — я отдернула руку, словно обожглась. — Нет, спасибо. Я... меня ждут.

Я соврала. Меня никто не ждал.

— Жаль, — он не обиделся. — Тогда до завтра?

— Я... я подумаю.

Я развернулась и почти побежала к выходу, оставляя его стоять у барной стойки. Спиной я чувствовала его взгляд. Тяжелый, притягивающий.

Я вылетела на улицу, под дождь. Поймала первое попавшееся такси.

— Куда? — спросил водитель, пожилой кавказец.

— Прямо. Просто едьте.

Машина тронулась. Я откинулась на сиденье, закрыв глаза. Меня трясло.

Клим Аверин. Человек из зеркала. Мой «суженый»?

Господи, какой бред. Я современная женщина, актриса, я живу в двадцатом веке! Какие гадания?

Но сердце колотилось как бешеное.

Я не могла оставаться в Питере. Не сейчас. Мне нужно было время. Мне нужно было разобраться в себе.

Этот город, этот мужчина, это зеркало... Все смешалось в какой-то безумный клубок.

Я достала телефон.

Набрала маму.

— Мам? Я приеду. Не послезавтра. Завтра утром. Первым поездом.

Мне нужно было домой. В Заречье.

Мне нужно было увидеть Антона.

Эта мысль пришла внезапно, но она была единственно верной. Чтобы понять, что делать с будущим (с Климом), я должна закрыть дверь в прошлое.

Я должна увидеть Антона. Посмотреть ему в глаза. Убедиться, что я ничего к нему не чувствую. Что он для меня — чужой человек, муж Веры, предатель. Что мое сердце мертво.

И только тогда, с чистой совестью, я смогу вернуться и принять предложение Клина. Или судьбы.

Глава 8(Антон)

(от лица Антона)

Мел на доске скрипел противно, до зубной боли. Я выводил дату: «15 мая 1861 года», но мысли мои были далеко не в девятнадцатом веке. Они были здесь, в душном классе, где двадцать пар глаз смотрели на меня с надеждой, что звонок прозвенит раньше, чем я начну опрос.

— Итак, — я отряхнул руки от меловой пыли. — Кто скажет мне, каковы были основные причины отмены крепостного права?

Тишина. Только муха бьется о стекло.

— Петров? — я посмотрел на рыжего парня на задней парте, который явно играл в телефон под столом.

— Э-э-э... Ну, царь так решил? — выдал Петров, вызвав смешки в классе.

Я вздохнул. Пять лет назад я сам сидел за такой же партой и думал, что весь мир у моих ног. Я мечтал стать великим историком, писать книги, жить в большом городе. А теперь я здесь. Антон Сергеевич. Учитель истории в сельской школе, где половина учеников мечтает свалить в город, а вторая половина — просто дожить до выпускного.

Звонок прозвенел спасительной трелью.

— Урок окончен. Домашнее задание на доске.

Класс опустел за секунду, словно его сдуло ветром. Я опустил на стул, потирая виски. Голова гудела.

В учительскую идти не хотелось. Там меня ждали жалостливые взгляды Марьи Ивановны, математички, и назойливое внимание новенькой «англичанки» Светы, которая уже месяц пыталась затащить меня к себе на чай с плюшками. «Антон Сергеевич, вы такой одинокий, вам нужна женская рука».

Одинокий. Да. Это слово прилипло ко мне, как вторая кожа.

Я подошел к окну. За стеклом бушевал май. Тот самый май, как пять лет назад. Яблони цвели так же яростно, солнце слепило так же беспощадно. Только я был другим.

Я вернулся в Заречье сразу после института. Не потому что хотел. Потому что отец сдал. Сердце, которое мы тогда, пять лет назад, подлатали благодаря Вериним связям, снова начало сбоить. А месяц назад его не стало. Инфаркт. Быстро, ночью. Я даже не успел попрощаться.

Теперь я жил с мамой в пустом доме, который казался склепом. И каждый день ходил в эту школу, мимо того самого места у реки, где мы с Лизой когда-то строили планы.

Лиза.

Я запрещал себе думать о ней. Но память — сволочь упрямая. Она подсовывала мне ее образ в самые неожиданные моменты. В запахе дождя. В голубом цвете неба. В смехе какой-нибудь старшеклассницы в коридоре.

Я знал, что она стала актрисой. Видел ее пару раз в сериалах по телевизору. Она играла каких

то стервозных красоток, холодных и неприступных. Это была не моя Лиза. Моя Лиза была теплой, живой, смешливой. Та женщина на экране была чужой. Красивой, но чужой.

Я собрал тетради в стопку. Надо идти. Мама ждет.

На школьном крыльце я закурил. Дурная привычка, прицепилась ко мне в общежитии, когда я пытался запить тоску дешевым портвейном и заесть дымом. Не помогло.

— Подвезти, Антош?

Я вздрогнул. К крыльцу, шурша шинами по гравию, подкатила красная «Тойота». Та самая, на которой Вера когда-то привезла нам лекарства. Только теперь за рулем сидела она сама — уверенная, холеная, в деловом костюме.

Вера тоже вернулась. Работала в районной администрации, рулила какими-то социальными проектами. И рулила моей жизнью, как ей казалось.

— Привет, Вер, — я выпустил струйку дыма. — Не надо. Я пешком. Погода хорошая.

— Садись, не ломайся, — она открыла пассажирскую дверь. — Нам по пути. Заодно и поговорим.

Я вздохнул, выбросил окурок в урну и сел в машину. Спорить с Верой было себе дороже. Она брала измором.

Салон пах ее духами — сладкими, тяжелыми. За пять лет они не изменились, как и она сама. Все та же хищная красота, все та же уверенность в том, что мир должен вращаться вокруг нее.

— Как мама? — спросила она, выруливая на главную улицу.

— Держится. Плачет по ночам.

— Я ей вчера пирогов занесла. С капустой, как она любит. Посидели, чаю попили. Она все про тебя спрашивает. Когда, мол, женишься, когда внуки пойдут.

Я стиснул зубы.

— Вера, мы это обсуждали. Я не готов.

— Пять лет не готов? — она резко затормозила на светофоре, повернувшись ко мне. В ее глазах блеснул гнев. — Антон, сколько можно? Мы с тобой везде вместе. Все в поселке считают нас парой. Я жду тебя, как верная собачонка. Отшиваю нормальных мужиков ради тебя. А ты?

— А я ничего тебе не обещал, — сказал я жестко. — Мы друзья, Вера. Ты сама так сказала тогда, на вокзале. «Я буду рядом, я помогу». Ты помогаешь, спасибо. Но сердцу не прикажешь.

— Друзья? — она усмехнулась. — Друзья не спят в одной постели, когда одному из них плохо.

Меня передернуло. Месяц назад, после похорон отца, я напился. Впервые за эти годы напился до беспамятства. Вера была рядом. Привела домой, уложила. Утром я проснулся в одной кровати с ней.

— Я был пьян, Вера, — сказал я, глядя в окно. — Я ничего не помню. И я просил тебя забыть об этом. Это была ошибка.

— Ошибка, — эхом повторила она. Ее пальцы сжались на руле так, что побелели костяшки. — У тебя вся жизнь — одна сплошная ошибка, Красильников. Ты живешь прошлым. Ждешь ее? Свою Лизу? Так она не вернется. Она звезда теперь. Ей плевать на тебя и на твою деревню.

— Замолчи, — тихо сказал я.

— Не замолчу! — Вера ударила ладонью по рулю. — Открой глаза! Она тебя бросила! Сбежала, даже не выслушав! А я была рядом. Я вытаскивала тебя из депрессии. Я помогала с отцом. Я люблю тебя, идиот!

Машина дернулась и рванула с места. Мы ехали молча. Напряжение в салоне можно было резать ножом.

Вера высадила меня у моего дома, даже не посмотрев на прощание.

— Подумай, Антон, — бросила она, глядя перед собой. — Мое терпение не безгранично. Я тоже хочу счастья. И я его получу.

Она уехала, оставив за собой шлейф пыли и тревоги.

Дом встретил меня тишиной. Мама сидела в гостиной, перебирала старые фотографии. На столе стоял портрет отца с черной ленточкой.

— Пришел, сынок? — она подняла на меня заплаканные глаза. — Есть будешь? Я суп разогрела.

— Не хочу, мам. Позже.

Я прошел в свою комнату. Здесь все было так же, как пять лет назад. Тот же стол, те же книги. Только теперь здесь пахло одиночеством.

Я выдвинул ящик стола. В самом дальнем углу, под стопкой тетрадей, лежала бархатная коробочка.

Я достал ее. Открыл.

Серебряный голубь почернел от времени. Цепочка спуталась. Символ верности, который превратился в символ потери.

Я провел пальцем по холодному металлу.

— Где ты, Лиза? — прошептал я. — Счастлива ли ты там, в своем телевизоре? Вспоминешь ли меня хоть иногда? Или я для тебя — просто эпизод, страшный сон?

Я знал ответ. Не вспоминает. Ненавидит.

Я захлопнул коробочку и швырнул ее обратно в ящик.

Вечером я вышел на крыльцо покурить. Воздух был теплым, пахло сиренью. Соседские бабки сидели на лавочке через дорогу, лузгали семечки. Их голоса доносились до меня отчетливо в вечерней тишине.

— ...Ой, да ты что? Сама?

— Сама, говорю! Ветлугина-то, Валентина, сегодня в магазине хвасталась. Телеграмму получила. Лизка завтра приезжает!

Сигарета выпала у меня из пальцев.

Я замер, боясь дышать.

— Да ты брешешь! — возмутилась другая бабка. — Чего ей тут делать? Она ж артистка, в Питере живет.

— А вот и приезжает! Мать ее кур рубила с утра, пироги ставит. Говорит, перед гастролями решила проведать. На недельку.

Лиза.

Приезжает.

Завтра.

Земля качнулась у меня под ногами. Кровь ударила в голову горячей волной.

Она вернется. Она будет ходить по этим улицам. Дышать этим воздухом.

Пять лет я ждал этого момента. Пять лет я прокручивал в голове наш разговор. Что я скажу ей? Что сделаю?

Упаду в ноги? Наору? Пройду мимо?

Сердце колотилось так, что ребра болели. Гнев, обида, тоска, любовь — все смешалось в адский коктейль.

Она бросила меня. Не поверила. Сбежала.

Но она приезжает.

Я поднял окурок дрожащей рукой, затушил его о перила.

Телефон в кармане джинсов завибрировал.

Я достал его. На экране высветилось фото Веры.

Она знала. Конечно, она знала. В этом поселке новости разлетаются быстрее ветра, а у Веры уши были везде.

Я смотрел на экран, на улыбающееся лицо Веры, и чувствовал, как внутри поднимается глухое раздражение. Она сейчас начнет давить. Начнет лить яд. «Не ходи к ней, она тебя не стоит».

Я сбросил вызов.

Телефон зазвонил снова. Настойчиво, требовательно.

Я отключил звук и бросил трубку на лавку.

Я смотрел на дорогу, ведущую к станции. Завтра утром по этой дороге приедет она.

Моя Лиза.

Или чужая, холодная женщина из телевизора?

Я не знал. Я знал только одно: я должен ее увидеть. Я должен посмотреть ей в глаза. И пусть весь мир, включая Веру, катится к черту.

Завтра все решится. Либо я умру окончательно, либо воскресну. Третьего не дано.

Глава 9

Поезд дернулся и замер, выпустив клуб пара, словно уставший зверь. Я посмотрела в окно. Тот же перрон, тот же серый асфальт с трещинами, сквозь которые пробивалась трава, то же облупившееся здание вокзала с надписью «Заречье».

Пять лет.

Пять лет я не ступала на эту землю. Я убегала от нее, как от чумы, вытравливая из себя память о ней, заменяя ее огнями Невского проспекта и запахом театральных кулис. И вот я здесь.

Я надела темные очки, поправила воротник бежевого тренча от Burberry (купленного на первую большую зарплату) и взялась за ручку чемодана.

Выход из вагона был похож на выход в открытый космос. Воздух здесь был другим. Не сырым и соленым, как в Питере, а густым, пахнущим пылью, разогретым асфальтом и цветущей сиренью. Запах детства. Запах боли.

Я спустилась по ступенькам, стараясь не запачкать замшевые сапоги.

На перроне было немногочисленно. Парочка дачников с рассадой, сонный таксист, грызущий семечки, и стайка местных бабулек, торгующих пирожками.

Я прошла мимо них, цокая каблучками.

— Глянь, Петровна, — донеслось мне в спину. — Это кто такая? Артистка какая-то?

— Да вроде на Ветлугину похожа... Лизку.

— Да ну! Лизка-то простушка была, а эта фифа городская.

Я усмехнулась, не поворачивая головы. «Фифа». Пусть так. Лучше быть фифой, чем той наивной дурочкой, которую размазали по стенке пять лет назад.

Мама ждала меня у выхода с вокзала. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, в своем выходном платье в цветочек и новом платке. Увидев меня, она всплеснула руками и бросилась навстречу.

— Лизонька! Доченька!

Я обняла ее, вдыхая родной запах — стиральный порошок и ваниль. Мама стала еще меньше, еще суше. Ее руки, обнимающие меня, дрожали.

— Приехала... Красавица какая стала! Господи, не узнать! Совсем городская.

— Привет, мам. — Я поцеловала ее в морщинистую щеку. — Как вы тут?

— Да потихоньку, — она вытерла слезу уголком платка. — Папа дома ждет, на крыльце сидит. Ноги совсем не ходят, до вокзала не дошел бы.

Мы пошли к стоянке такси. Я не хотела тащить чемодан пешком через весь поселок, ловя на себе взгляды.

— Мам, давай машину возьмем.

— Ой, да зачем? Тут идти-то... Дорого же.

— Я заплачу, мам.

Таксист, дядя Миша, который возил нас еще в школу на экскурсии, посмотрел на меня с нескрываемым любопытством, но вопросов задавать не стал. Только хмыкнул, загружая мой чемодан в багажник старенькой «Волги».

Мы ехали по знакомым улицам. Мимо школы, мимо магазина, мимо ДК. Все казалось таким маленьким, игрушечным. Как будто я выросла из этого мира, как из детского платья.

У нашего дома ничего не изменилось. Те же резные наличники, тот же палисадник с пионами. На крыльце сидел папа. Он опирался на палочку и щурился на солнце.

Когда я вышла из машины, он попытался встать, но я подбежала к нему первой.

— Пап, сиди! Не вставай.

Я обняла его. Он пах табаком и старостью. Он так сдал... Плечи стали острыми, волосы совсем седые. Сердце кольнуло острой иглой вины. Я бросила их. Я строила свою жизнь, свою карьеру, свою броню, а они просто тихо старели здесь, ожидая моих редких звонков.

— Лизавета... — прохрипел он, глядя меня по спине шершавой ладонью. — Приехала, стрекоза.

— Приехала, пап.

Мы обедали в гостиной. Мама накрыла стол как на праздник: холодец, пироги, соленья, жареная курица. Все то, чего мне так не хватало в Питере с его вечными салатами и кофе на бегу.

Родители расспрашивали меня про театр, про роли, про город. Я рассказывала, стараясь выбирать самые яркие и безобидные истории. Про съемки в сериале, про смешные случаи на репетициях. Я играла роль успешной дочери, у которой все отлично.

Напряжение висело в воздухе, как грозовая туча. Мы все трое знали, о ком мы молчим. Его имя не звучало, но оно присутствовало незримым призраком за этим столом.

Мама подкладывала мне курицу.

— Кушай, дочка. Совсем исхудала там на своих харчах. Кожа да кости.

— Мам, это называется стройность. Камера полнит.

— Ох уж эти камеры... — вздохнула мама. — А у нас тут новости невеселые. Красильников-старший, Сергей Петрович, помер месяц назад.

Я замерла с вилок в руке. Кусок курицы встал поперек горла.

— Умер?

— Да. Инфаркт. Ночью прихватило, и все. Даже скорая не успела. Похоронили. Народу было много, уважали его.

Я опустила глаза в тарелку. Сергей Петрович был хорошим мужиком. Строгим, но справедливым. Я помнила, как он учил Антона кататься на велосипеде, как угощал нас яблоками.

— Антоша с матерью одни остались, — продолжила мама, понизив голос. — Тяжело им. Мать его совсем плохая стала от горя, из дома не выходит. А Антон...

Папа кашлянул, выразительно глядя на маму.

— Валя, хватит. Дай девке поесть спокойно.

— А что я такого сказала? — встрепенулась мама. — Я ж не сватаю. Просто говорю, как есть. Сосед все-таки.

— Жаль, — сказала я ровным голосом, не поднимая глаз. — Соболезную.

Внутри что-то шевельнулось. Жалость? Сочувствие? Нет, я не имела права на эти чувства. Антон был для меня чужим. Мужем Веры (я была уверена, что они поженились). Предателем. Его горе меня не касалось.

После обеда я пошла разбирать вещи в своей комнате. Она осталась такой же, как в день моего отъезда. Только пустота на полках и в шкафах напоминала о том, что хозяйка здесь больше не живет.

Мне стало душно. Стены давили. Воспоминания лезли из каждого угла. Вот здесь мы сидели с Антоном и готовились к контрольной. Вот здесь он впервые поцеловал меня в щеку.

Я не могла здесь находиться. Мне нужно было на воздух.

Я достала телефон и набрала Аню.

— Лизка! — ее голос в трубке звенел от радости. — Ты приехала? Правда?

— Приехала. Ты дома? Можно зайти?

— Конечно! Беги скорее! Я пирог с вишней испекла!

Я переоделась. Сменила тренч на легкий кардиган, но осталась в брюках и ботильонах. Я не собиралась мимикрировать под местную. Я хотела сохранить дистанцию.

Я шла по улицам Заречья, чувствуя на себе взгляды. Люди оборачивались. Кто-то здоровался, кто-то просто пялился. Я шла с прямой спиной, глядя поверх голов. «Я здесь проездом. Я туристка».

Дом Ани и Ивана был добротным, крепким. Во дворе стоял трактор, бегали куры. На веревке сушились детские ползунки.

Аня выбежала на крыльцо, вытирая руки о полотенце. Она раздалась в ширь, стала такой уютной, домашней матроной.

— Лиза!

Мы обнялись.

— Какая ты... — Аня отступила на шаг, разглядывая меня. — Шикарная. Прямо модель. А я вот... все в пленках.

— Ты прекрасно выглядишь, Ань. Счастливая.

В доме пахло сдобой и детским молоком. По полу ползал карапуз лет трех, чумазый и довольный.

— Никитка, поздоровайся с тетей Лизой! — скомандовала Аня.

Малыш посмотрел на меня исподлобья и спрятался за материнскую юбку.

Мы сели пить чай на кухне.

— Ну, рассказывай! — Аня подперла щеку рукой. — Как там Питер? Женихов, поди, тьма?

— Работа, Ань. Сплошная работа. Театр, съемки, пробы. На женихов времени нет.

— Да ладно тебе! Такая красавица и одна? Не верю.

— Ну... есть один, — я решила немного приукрасить, чтобы закрыть тему. — Клим. Актер. Известный. Мы... общаемся.

— Ух ты! — глаза Ани загорелись. — Как в кино! А я вот... Ваня, дети, огород. Скучно, наверное, тебе с нами.

— Нет, что ты. У тебя настоящая жизнь.

Аня помолчала, помешивая ложечкой чай. Потом подняла на меня глаза. В них была какая-то странная смесь жалости и решимости.

— Лиз... Ты про Антона знаешь?

Я напряглась.

— Знаю. Отец умер.

— Да не про это. Про него самого.

— А что мне про него знать? — я отпила чай, стараясь держать лицо. — Он счастлив с Верой. Совет да любовь.

Аня покачала головой.

— Нет, Лиз. Он не с Верой.

Я поперхнулась.

— Как не с Верой?

— А вот так. Не женился он на ней. Пять лет прошло, а он все один. Вера вокруг него ужом вьется, и в администрацию устроилась, и к матери его ходит, помогает. Все село думает, что они пара. А он... он как монах живет. Отшивает ее.

У меня внутри что-то екнуло. Не женился? Но почему? Ведь они были вместе в том классе. Ведь он выбрал ее.

— Мне все равно, — сказала я холодно. — Это его проблемы. Может, ему нравится так жить. Или Вера его не устраивает.

— Нет, Лиз, — Аня посмотрела мне прямо в душу. — Он тебя ждет.

Я рассмеялась. Нервно, громко.

— Меня? Ань, ты в своем уме? Я уехала пять лет назад. Я его бросила.

— Он не верит, что ты его разлюбила. Он каждый вечер ходит к реке. К вашему месту под ивой. Сидит там часами, курит и смотрит на воду. Ваня его часто видит, когда с рыбалки идет. Говорит, страшный он стал, черный весь. Тоска его ест.

Я поставила чашку на стол. Рука дрожала, и фарфор звякнул о блюдо.

— Хватит, Аня. Я не хочу об этом слышать. У меня другая жизнь. У меня Клим. А Антон... Антон — это прошлое. Ошибка молодости.

Аня вздохнула, но спорить не стала.

— Как знаешь, Лиз. Тебе виднее. Просто... жалко его. Хороший он мужик. Не предатель он. Я нутром чую.

Я быстро перевела тему на детей, на огород, на питерские погоды. Но разговор не клеился. Слова Ани засели в голове занозой. «Он тебя ждет».

Я ушла от Ани, когда солнце уже садилось. Небо окрасилось в багровые тона, обещая ветреный день завтра.

Мне нужно было домой. Мама ждала к ужину.

Но ноги сами свернули с главной улицы. Я не контролировала их. Я шла по знакомой тропинке, заросшей лопухами и крапивой.

«Зачем ты это делаешь, Лиза? — спрашивал меня внутренний голос. — Ты же все решила. Ты приехала поставить точку».

«Вот именно, — отвечала я сама себе. — Я поставлю точку. Я увижу его. Убежусь, что он мне безразличен. Что он обычный сельский учитель, неудачник, живущий с мамой. И тогда я со спокойной душой уеду к Климу».

Я вышла на берег реки.

Ива, наша ива, разрослась еще больше. Ее ветви почти касались черной воды.

Под деревом, на старой коряге, сидел мужчина.

Я узнала его спину мгновенно. Широкие плечи, сутулость, которой раньше не было. Он был в простой рубашке и джинсах.

Он сидел неподвижно, глядя на закат. В руке дымились сигарета.

Антон.

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось так, что отдавало в горле.

Я хотела развернуться и уйти. Тихо, незаметно. Я увидела то, что хотела. Он жив, он здесь. Все.

Но я не могла сдвинуться с места. Какая-то неведомая сила тянула меня к нему. Словно невидимая нить, которая связывала нас все эти годы, натянулась до предела и теперь сокращалась, притягивая нас друг к другу.

Под моей ногой хрустнула сухая ветка. Звук прозвучал как выстрел в тишине вечера.

Антон вздрогнул. Его плечи напряглись.

Он медленно, очень медленно повернул голову.

Наши взгляды встретились.

И я поняла, что пропала.

Глава10(Антон)

(от лица Антона)

Глава 10

Закат догорал, окрашивая реку в цвет венозной крови. Я сидел на старой коряге, которую мы когда-то называли «троном водяного», и курил. Дым был горьким, он драл горло, но это была привычная горечь. Такая же, как та, что жила у меня внутри последние пять лет.

Я приходил сюда каждый вечер. Это стало ритуалом, молитвой без слов. Я смотрел на темную воду, слушал шелест ивы и разговаривал с призраком. С той Лизой, которую я потерял.

Сегодня все было иначе. Воздух был наэлектризован, тяжел, как перед грозой. Где-то в поселке уже зажглись окна, но здесь, у реки, царил полумрак.

Хрустнула ветка.

Звук был резким, чужеродным в этой тишине. Я вздрогнул. Обычно сюда никто не ходил. Рыбаки сидели дальше, у моста, а молодежь предпочитала лавочки в центре.

Я медленно повернул голову, ожидая увидеть бродячую собаку или вездесущего мальчишку.

Сигарета выпала из моих пальцев, прожегши дырку в джинсах, но я этого не заметил.

В пяти метрах от меня стояла женщина.

Высокая, стройная, в светлом плаще, который в сумерках казался белым саваном. На ногах — дорогие ботильоны на каблуке, которые утопали в прибрежной грязи.

Я моргнул, думая, что это игра воображения, морок уставшего мозга. Но она не исчезла. Она стояла неподвижно, глядя на меня.

Лиза.

Но не моя Лиза. Не та девочка в ситцевом платье с веснушками на носу. Это была незнакомка. Чужая, холодная, пугающе красивая. Ее волосы были острижены в модное каре, лицо бледное, черты заострились.

Я поднялся, чувствуя, как деревенеют ноги.

— Лиза? — мой голос прозвучал хрипло, как карканье вороны.

Она молчала секунду, разглядывая меня. Я вдруг остро почувствовал свою небритость, свою простую клетчатую рубашку, свои мозолистые руки. Я был деревенским учителем, а она... она была с другой планеты.

— Привет, Антон, — сказала она. Голос стал ниже, глубже. В нем не было прежней звонкости, только металл.

— Привет... — я сделал шаг к ней, но она отступила, выставив невидимый барьер.

Мы стояли друг напротив друга, разделенные метром пустоты и пятью годами молчания.

— Зачем ты пришла? — спросил я. Вопрос вырвался сам собой, глупый, ненужный.

— Хотела посмотреть, — она усмехнулась, и эта усмешка была кривой, злой. — Аня сказала, ты тут сидишь. Страдаешь.

— Аня много болтает.

— Возможно. — Она скрестила руки на груди, словно защищаясь от меня. — Ну, как поживает образцовый семьянин? Где Вера? Почему ты здесь один, а не с любимой женой?

Ее слова были пропитаны ядом. Она била наотмашь.

— Нет никакой жены, — сказал я тихо, глядя ей в глаза. — И Веры нет. Я один. Всегда был один, с тех пор как ты уехала.

Лиза фыркнула.

— Не ври мне, Красильников. Я не та дурочка, которой можно вешать лапшу на уши. Я видела вас. Тогда, в классе. Я видела, как ты ее целовал. Как ты держал ее.

— Ты видела то, что хотела видеть, — я шагнул ближе, игнорируя ее попытку отступить.
— Или то, что тебе показали.

— Я видела правду! — ее голос сорвался на крик. Маска холодной леди треснула. — Ты предал меня! Ты продался ей за лекарства для отца, за красивую жизнь!

— Я никогда тебя не предавал! — заорал я в ответ. Во мне прорвало плотину. Пять лет я носил это в себе, пять лет я разговаривал с тишиной. Теперь я мог выплеснуть это ей в лицо.
— Я любил тебя! Я бежал за твоим поездом, как проклятый, а ты закрыла шторку! Ты даже не дала мне шанса объясниться!

— А что тут объяснять?! — Лиза тряхнула головой, и ее идеальная укладка рассыпалась.
— Ты был пьян! Ты хотел ее!

— Я был одурманен! — я схватил ее за плечи. Ткань ее плаща была дорогой, гладкой, холодной. — Я не пил, Лиза! Вера дала мне шампанское. Один стаканчик. И меня вырубило. Я не понимал, кто передо мной. Мне казалось, это ты! Я шептал твое имя, а не ее!

Лиза замерла в моих руках. Ее глаза расширились, в них плескался страх и недоверие.

— Ты врешь... — прошептала она, но уже не так уверенно. — Это удобно — свалить все на «одурманили». Мужская классика.

— Посмотри на меня, — я встряхнул ее. — Посмотри! Я похож на того, кто врет? Я пять лет живу в аду. Я не женился на Вере, хотя она умоляла. Я каждый день прихожу сюда и думаю о тебе. Если бы я хотел Веру, я был бы с ней. Но я здесь. Один.

Она смотрела. Жадно, внимательно вглядывалась в мое лицо, ища следы лжи. Я видел, как в ее глазах лед сменяется болью. Той самой, застарелой болью, которую не вылечили ни Питер, ни сцена, ни время.

— Ты поседел... — вдруг сказала она, коснувшись моего виска. Ее пальцы были ледяными.

— А ты стала красивой. Пугающе красивой.

Она опустила руки, и ее плечи поникли. Вся воинственность ушла, оставив уставшую женщину.

— Я так тебя ненавидела, Антон, — прошептала она, и по ее щеке покатилась слеза, оставляя черную дорожку туши. — Я хотела тебя уничтожить. Стереть. Я училась быть жестокой, чтобы больше никто не мог сделать мне больно. А сейчас... я смотрю на тебя и не знаю, кто я.

— Ты Лиза, — я осторожно стер слезу большим пальцем. — Моя Лиза.

— Нет, — она мотнула головой. — Той Лизы больше нет. Она умерла на вокзале. Я теперь другая. У меня есть Клим.

Это имя резануло меня по сердцу.

— Клим? Кто это?

— Актер. Известный. Мы... вместе.

— Ты любишь его? — спросил я прямо.

Она отвела взгляд.

— Он хороший. Он заботится обо мне. Он предлагает мне роль.

— Я не спрашиваю, хороший он или нет. Я спрашиваю: ты его любишь? Так, как любила меня?

Она молчала. Ветер усилился, трепля полы ее плаща. С реки потянуло сыростью.

— Я не знаю, что такое любовь, Антон, — наконец сказала она. — Любовь — это боль. А с Климом мне спокойно. Безопасно.

— Безопасно — это для трусов, — сказал я жестко. — А мы с тобой не трусы. Мы выжили.

Я полез в карман джинсов. Пальцы нащупали холодный металл. Это был кулон. Я сегодня инстинктивно положил его в карман. Он был для меня как талисман. Как проклятие.

Я достал его... Серебряный голубь на спутанной цепочке. Он потускнел, но все еще был узнаваем.

— Что это? — спросила она.

— Я купил его на выпускной. Хотел подарить тебе на рассвете. Это голубь. Символ верности.

Лиза смотрела на почерневшее серебро, и ее губы дрожали.

— Ты хранил его? Пять лет?

— Я хранил не только его. Я хранил нас. В своей памяти. Даже когда думал, что ты меня ненавидишь.

Она протянула руку и коснулась крыла птицы.

— Господи, Антон...

— Я клянусь тебе, Лиза. Клянусь памятью отца, который умер месяц назад. Я не предавал тебя. Меня подставили. И я заплатил за это пятью годами одиночества. Но я не жалею. Потому что я ждал этого момента.

Она подняла на меня глаза. В них больше не было холода. Там были слезы, там была та самая Лиза, которая когда-то сидела со мной под этой ивой.

— Я верю тебе, — выдохнула она едва слышно.

Эти слова были как освобождение. Как глоток воздуха после пятилетней задержки дыхания.

Небо над нами расколосось. Первые тяжелые капли дождя упали на пыльную землю, на ее дорогой плащ, на мои руки.

— Дождь... — прошептала она, поднимая лицо к небу. — Как тогда.

— Только тогда ты убегала, — сказал я. — А сейчас?

Она посмотрела на меня. Дождь смывал с нее маску столичной штучки, смывал косметику, делая ее настоящей.

— А сейчас я не хочу бежать.

Я шагнул к ней. Вплотную. Я чувствовал ее запах — дорогие духи смешались с запахом мокрой земли и ее кожи.

Я снял с себя джинсовую куртку и накинул ей на плечи. Она была в одной тонкой кофточке под расстегнутым плащом.

— Замерзнешь, — сказал я.

Она вцепилась в лацканы моей куртки, притягивая меня к себе.

— Согрей меня, — попросила она.

Я обнял ее. Крепко, до хруста в ребрах. Я хотел вдавить ее в себя, растворить, чтобы больше никогда не терять. Она уткнулась лицом мне в шею, и я почувствовал, как ее плечи вздрагивают от рыданий.

— Тише, маленькая. Тише. Я здесь.

Мы стояли под дождем, два мокрых, изломанных человека, которые нашли друг друга на пепелище.

— Пойдем, — сказал я, когда дождь превратился в ливень. — Пойдем ко мне. Мама уехала к сестре на ночь. Дом пустой.

Она подняла голову. Ее лицо было мокрым от слез и дождя, но глаза сияли.

— Пойдем.

Мы шли по темным улицам, держась за руки. Как подростки. Как беглецы.

Я не думал о Вере. Я не думал о Климе. Я не думал о будущем.

Я знал только одно: сегодня ночью я не отпущу ее руку. Даже если утром мир рухнет снова.

Мы вошли в мой дом. Здесь пахло старым деревом и тоской, но когда Лиза переступила порог, запах изменился. Пахнуло жизнью.

Я не включил свет. В полумраке прихожей я помог ей снять мокрый плащ. Моя куртка упала на пол.

Мы остались стоять друг напротив друга.

— Антон... — начала она, но я не дал ей договорить.

Я накрыл ее губы своими.

Это был не тот робкий школьный поцелуй. Это был поцелуй голодного зверя. В нем было все: боль разлуки, жажда, гнев на судьбу и бесконечная, всепоглощающая нежность.

Она ответила. Ее руки обвили мою шею, пальцы зарылись в мои мокрые волосы. Она прижалась ко мне всем телом, и я почувствовал, как она дрожит. Не от холода. От желания.

— Я скучала, — прошептала она мне в губы. — Господи, как я скучала по тебе.

— Я люблю тебя, — ответил я. — Всегда любил.

Я подхватил ее на руки. Она оказалась удивительно легкой, невесомой. Я понес ее в свою комнату, туда, где на столе в ящике пять лет лежало черное серебро нашей любви.

Сегодня серебро станет золотом. Сегодня мы перепишем историю.

Дверь спальни закрылась за нами, отсекая весь остальной мир. Остались только мы. Двое в темноте, под шум дождя, смывающего прошлое.

Глава 11(Антон)

(от лица Антона)

В комнате пахло дождем и нами. Свет уличного фонаря пробивался сквозь щель в занавесках, расчерчивая пол полосой бледного серебра. В этом полумраке Лиза казалась фарфоровой статуэткой, хрупкой и драгоценной, которую я боялся разбить.

Я опустил ее на кровать. Старая пружинная сетка скрипнула под нашим весом, и этот звук, такой домашний, такой знакомый, словно вернул нас в то время, когда мы были просто Антоном и Лизой. Без Питера, без Веры, без пяти лет молчания.

Я навис над ней, опираясь на локти, и смотрел в ее лицо. Ее глаза, огромные в темноте, блестели влажным блеском. Она провела ладонью по моей щеке, касаясь пальцами трехдневной щетины.

— Ты настоящий, — прошептала она. — Я боялась, что это сон.

— Я здесь, — я перехватил ее руку и поцеловал запястье, там, где билась жилка. — Я всегда был здесь.

Я медленно расстегнул пуговицы на ее мокрой блузке. Ткань липла к телу, холодила кожу. Лиза дрожала. Я стянул с нее одежду, слой за слоем, обнажая то, что так долго было скрыто от меня.

Она изменилась. Стала тоньше, изящнее. Исчезла та девичья округлость, появилась взрослая, острая красота. Но когда я провел ладонью по ее бедру, мои пальцы нащупали маленький шрамик на коленке — память о том, как она упала с тарзанки в девятом классе. Этот шрам был моим маяком. Он говорил мне: это все еще она. Моя Лиза.

Я наклонился и поцеловал этот шрам. Лиза судорожно вздохнула, ее пальцы зарылись в мои волосы.

— Антон...

В этом стоне было столько тоски, столько накопленного за годы голода, что у меня сорвало крышу. Я целовал ее плечи, ключицы, ямку на шее, чувствуя, как под моей кожей закипает кровь.

Это было не просто физическое желание. Это было возвращение домой. Каждое прикосновение стирало боль прошлых лет, выжигало обиды, заполняло пустоту.

Я снял с себя одежду, чувствуя себя неловким и грубым рядом с ее совершенством. Но Лиза потянула меня к себе, обхватив ногами за талию.

— Иди ко мне, — выдохнула она мне в губы. — Я хочу тебя. Сейчас.

И мир перестал существовать. Остались только мы двое в темноте старого дома, под шум дождя за окном.

(от лица Лизы)

Его кожа была горячее, как печка. После холода питерских ветров этот жар был ошеломляющим. Антон был земным, настоящим. От него пахло мужчиной, табаком и грозой.

Я забыла, как дышать. Я забыла свое имя. Я забыла все роли, которые учила. Здесь не надо было играть. Здесь можно было быть слабой, уязвимой, открытой.

Антон смотрел на меня как на богиню, боясь пошевелиться. В его взгляде было столько любви, что мне стало страшно. Я не заслужила этой любви. Я убежала, я предала нашу память...

— Прости меня, — прошептала я, когда волна удовольствия начала накрывать меня с головой. — Прости, что не верила.

— Замолчи, — он накрыл мой рот поцелуем, жестким, требовательным. — Ты моя. Только моя.

И я сдалась. Я растворилась в нем, в этом ритме, в этом скрипе кровати, в этом запахе. Я цеплялась за его плечи, оставляя следы ногтей, я кусала губы, чтобы не кричать на весь дом.

Это было как очищение огнем. Все, что было «до», сгорело. Осталось только «сейчас».

Когда мы затихли, переплетаясь телами, я уткнулась лицом в его грудь. Я слышала, как бешено колотится его сердце. Оно билось в унисон с моим.

По моей щеке скатилась слеза. Антон почувствовал влагу, приподнял мою голову.

— Ты плачешь? — в его голосе была тревога. — Я сделал больно?

— Нет, — я улыбнулась сквозь слезы. — Это от счастья, дурак. Я просто... я думала, что больше никогда тебя не увижу, не почувствую твоих губ... Что я умерла внутри.

Он прижал меня к себе крепче, натягивая одеяло нам на плечи.

— Ты живая, Лиз. Самая живая из всех, кого я знаю.

Мы лежали в темноте, слушая, как дождь барабанит по крыше. Ветер стих, оставив после себя свежесть и покой.

— Расскажи мне, — попросил он тихо, перебирая мои короткие волосы. — Как ты жила там?

— Как робот, — честно ответила я. — Учеба, репетиции, работа. Я заполняла каждую минуту, чтобы не думать. Я стала успешной, Антон. Меня хвалили. Но внутри была дыра. Я пыталась заткнуть ее работой..

— Клим, — он произнес это имя с ревностью, но без злости. — У вас ведь ничего не было, я понял сегодня, ты наврала мне, чтобы позлить...

— Нет. Он... он похож на призрака. Я познакомилась с ним недавно.. Знаешь, я ведь увидела его в зеркале. Тогда, у Матрены.

Антон напрягся.

— В том гадании?

— Да. Я увидела его лицо. И когда встретила его в Питере... я подумала, что это судьба. Что зеркало не врало. Но я ошиблась. Зеркало показало мне его, чтобы я прошла этот путь. Чтобы я вернулась к тебе другой.

Антон поцеловал меня в макушку.

— К черту зеркало. Судьба — это то, что мы делаем сами.

Я помолчала, водя пальцем по шраму на его груди (след от ожога, когда он чинил проводку).

— Антон... Я не могу просто так остаться.

Он замер. Его рука на моем плече сжалась.

— Ты уедешь?

— Мне нужно в Питер. У меня контракт с театром, съемки начинаются через месяц. У меня квартира съемная, вещи. . Я не могу просто исчезнуть, как пять лет назад.

— А если ты не вернешься? — его голос дрогнул. — Если этот город снова заберет тебя?

Я приподнялась на локте и посмотрела ему в глаза. Даже в темноте я видела в них страх. Страх потерять меня снова.

— Я вернусь, — твердо сказала я. — Я поеду завтра. Разорву контракт, соберу вещи. Мне нужно две недели. Максимум три. И я вернусь. Навсегда. Я хочу жить здесь. С тобой. Я хочу, чтобы наши дети бегали по этому двору.

Антон выдохнул, словно сбросил тяжелый груз.

— Обещаешь?

— Клянусь. Тем самым голубем, которого ты хранил.

Он улыбнулся и притянул меня к себе для поцелуя.

— Я буду ждать. Каждый день буду ходить на станцию.

— Не надо на станцию, — я засмеялась. — Я позвоню. Или телеграмму дам.

Мы проговорили до рассвета. Строили планы, вспоминали школу, смеялись над глупостями. Мы пытались наверстать пять лет за одну ночь.

(от лица Антона)

Утро ворвалось в комнату наглым солнечным лучом, ударившим прямо в глаза. Я проснулся и первым делом пошарил рукой по второй половине кровати.

Теплая. Живая.

Лиза спала, уткнувшись носом в подушку. Одеяло сползло, открывая ее плечо с родинкой, похожей на созвездие. Я лежал и смотрел на нее, боясь пошевелиться.

Господи, спасибо.

Я чувствовал себя всемогущим. Я чувствовал, что могу свернуть горы, осушить моря. Она вернулась. Она моя.

Лиза зашевелилась, открыла глаза. Сначала в них было непонимание, потом — узнавание и теплая, сонная улыбка.

— Доброе утро, — промурлыкала она.

— Самое доброе за пять лет, — я поцеловал ее в нос.

Она потянулась, как кошка, и села, придерживая одеяло на груди.

— Который час?

— Семь.

— Ох... — она встрепенулась. — Мне пора. Мама проснется, потеряет меня. И твоя мама может вернуться. Я не хочу... ну, ты понимаешь. Шокировать их с порога.

— Понимаю. — Мне не хотелось ее отпускать, но я знал, что она права. В деревне сплетни разлетаются быстрее ветра. — Я провожу тебя.

— Не надо, — она встала и начала быстро одеваться. Ее движения были легкими, грациозными. — Я добежу огородами. Вечером приду, перед поездом. Поезд в десять вечера.

Она натянула блузку, пригладила растрепанные волосы. Я подошел к ней, обнял сзади, вдыхая ее запах.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала. Даже на две недели.

— Я тоже, — она повернулась в моих руках. — Но надо. Чтобы начать чисто.

Она поцеловала меня быстро, крепко.

— Я люблю тебя, Красильников.

— И я тебя, Ветлугина. Скоро Красильникова.

Она рассмеялась и выскользнула из комнаты. Я слышал, как хлопнула входная дверь.

Я подошел к окну. Отодвинул занавеску.

Лиза перебегала дорогу, легкая, летящая. Она оглянулась на мой дом, послала воздушный поцелуй и скрылась за поворотом.

Я стоял и улыбался как дурак.

Я не заметил одного.

На другой стороне улицы, скрытая густыми кустами разросшейся сирени, стояла красная машина. Стекла были тонированы, но если приглядеться, можно было увидеть силуэт женщины за рулем.

Двигатель не работал. Машина стояла тихо, как хищник в засаде.

Я был слишком счастлив, чтобы смотреть по сторонам. Я не знал, что за моим счастьем уже наблюдают глаза, полные ненависти. И что этот свидетель уже начал писать свой сценарий нашего будущего.

Глава12(Вера)

(от лица Веры)

Куст сирени был идеальным укрытием. Густой, разросшийся, он надежно скрывал мою машину от посторонних глаз, а тонированные стекла делали меня невидимой. Я заглушила двигатель еще час назад, когда увидела, как в окне Антона зажегся свет.

Я сидела, вцепившись в руль так, что кожа на костяшках побелела. Мои идеальные ногти впивались в оплетку, оставляя на ней следы.

Я знала, что она там.

Моя интуиция никогда меня не подводила. Вчера вечером, когда я проезжала мимо дома Ветлугиных, я видела, как Лиза вышла и направилась к реке. Я не поехала за ней. Я знала, куда она идет. К иве. К их месту.

Я дала им время. Я надеялась, что они поговорят, поругаются, и она уедет, гордо вздернув нос, как пять лет назад. Но она не вернулась домой ни через час, ни через два.

И тогда я поняла: она у него.

Входная дверь дома Антона открылась.

Я подалась вперед, почти прижимаясь носом к стеклу.

На крыльцо вышла Лиза.

Она выглядела... отвратительно счастливой. Ее волосы были растрепаны, блузка застегнута не на все пуговицы, а на губах играла та самая мягкая, мечтательная улыбка, которую я ненавидела еще со школы. Улыбка женщины, которую только что любили.

Она постояла секунду на крыльце, щурясь от утреннего солнца. Потом обернулась и послала воздушный поцелуй кому-то в глубине дома.

Я проследила за ее взглядом. В окне спальни Антона качнулась занавеска. Он стоял там. Смотрел ей вслед. Я не видела его лица, но чувствовала его взгляд кожей. Взгляд, полный обожания.

Взгляд, которого я так и не добилась за пять лет.

Лиза легко пробежала по ступенькам и быстрой походкой направилась к калитке. Она прошла в десяти метрах от моей машины, напевая что-то себе под нос. Она даже не посмотрела по сторонам. Она была в своем розовом пузыре счастья.

— Сука, — выдохнула я. Звук собственного голоса в тишине салона показался мне чужим, скрежещущим.

Я ударила ладонью по рулю. Сигнал коротко бибикнул, и я испуганно замерла. Но Лиза уже скрылась за поворотом.

Пять лет.

Пять лет я строила эту крепость по кирпичику. Я была рядом, когда он защищал диплом. Я была рядом, когда он вернулся в деревню. Я возила его отца по врачам, доставала дефицитные лекарства, сидела с его матерью, когда у той скакало давление. Я стала частью их семьи, частью их мебели, их воздуха.

Все в поселке считали нас парой. Даже его мать, Валентина Петровна, называла меня «дочкой».

А он? Он был вежлив. Благодарен. И холоден, как айсберг. «Мы друзья, Вера». Друзья. Я ненавидела это слово.

И вот приехала она. Королева драмы. Покрутила хвостом, пустила слезу — и он поплыл. Забыл все: мою помощь, мою преданность, пять лет моей жизни, брошенной к его ногам.

Я завела мотор. Руки дрожали от ярости. Мне нужно было уехать отсюда, пока я не натворила глупостей. Пока я не вышла и не расцарапала ему лицо.

Дома было пусто. Отец уехал в город по делам бизнеса, мать спала. Я прошла в свою комнату, сбросила туфли и упала на кровать, глядя в потолок.

Я проиграла.

Эта мысль билась в голове набатом. Лиза вернулась. Она не просто переспала с ним. Я видела ее лицо. Она вернулась, чтобы остаться.

Если я ничего не сделаю, через месяц они пожениются. А я останусь «хорошей подругой», которая будет дарить им сервиз на свадьбу и улыбаться, пока внутри все горит огнем.

Нет.

Я села на кровати. Взгляд упал на календарь на стене.

15 мая.

Прошел ровно месяц.

В памяти всплыла та ночь. Ночь после похорон Сергея Петровича.

(Флешбэк. Месяц назад)

В доме Красильниковых пахло ладаном, корвалолом и сырой землей. Поминки закончились. Родственники разъехались, соседи разошлись. Валентина Петровна, накачанная успокоительным, уснула в своей спальне.

Антон сидел на кухне. Перед ним стояла початая бутылка водки и рюмка. Он не пил запоями, но сегодня ему было можно. Он потерял отца.

Я сидела рядом, гладила его по руке.

— Он так мучился в конце, — говорил Антон, глядя в одну точку. Его глаза были красными, воспаленными. — А я ничем не мог помочь. Просто смотрел.

— Ты сделал все, что мог, Тоша, — я подлила ему водки. — Выпей. Легче станет.

Он выпил залпом, не закусывая. Поморщился.

— Пустота внутри, Вер. Черная дыра. Как жить дальше?

— Я с тобой. Мы справимся.

Я видела, что он пьянеет. Алкоголь на стресс действовал убойно. Но мне этого было мало. Мне нужно было наверняка.

Я незаметно достала из сумочки блистер с феназепамом. Я стащила его у матери, она пила его от бессонницы. Выдавила две таблетки в ладонь.

— Я тебе воды принесу, запить, — сказала я, вставая.

У раковины я раздавила таблетки в порошок ложкой и высыпала в стакан с водой. Размешала.

— На, попей.

Антон выпил воду жадно, до дна.

Через двадцать минут его начало вести. Язык заплетался, глаза закрывались.

— Что-то мне... спать охота... — пробормотал он, роняя голову на руки.

— Пойдем, я тебя уложу.

Я довела его до спальни. Он был тяжелым, наваливался на меня всем весом. Я уложила его на кровать, сняла ботинки.

Антон уже спал. Глубоким, медикаментозным сном. Он даже не храпел, просто тяжело дышал.

Я стояла над ним и смотрела. Он был красив, даже в таком состоянии. Мой Антон. Мой недостижимый приз.

Я начала расстегивать пуговицы на его рубашке. Мои руки дрожали. Я раздела его до трусов. Потом разделась сама.

Я легла рядом, прижалась к его горячему боку.

— Антон... — позвала я шепотом. — Антон, проснись.

Он не реагировал. Я провела рукой по его груди, спустилась ниже. Ничего. Он спал как убитый.

Я попыталась его растормошить, целовала, гладила. Бесполезно. Феназепам с водкой вырубили его надежно.

Я почувствовала разочарование и злость. Я так хотела, чтобы это случилось по-настоящему. Чтобы он обнял меня, чтобы назвал по имени. Но он лежал бревном.

Ну и пусть.

Главное — не процесс. Главное — результат.

Я встала. Взяла свою помаду. Наклонилась и с силой втянула кожу на его шее, оставляя багровый засос. Еще один — на плече.

Разбросала нашу одежду по полу в живописном беспорядке.

Идеальное место преступления.

Утром он проснется и увидит это. Он ничего не вспомнит, но улики будут кричать о том, что между нами была бурная ночь. И его чувство вины сделает остальное.

Я легла обратно, положила голову ему на плечо и закрыла глаза, вдыхая его запах.

«Теперь ты мой, — подумала я. — Даже если ты этого не помнишь».

(Конец флешбэка)

Я вернулась в реальность.

Месяц. Прошел ровно месяц.

Тот план сработал наполовину. Утром Антон был в ужасе, он извинялся, краснел, но... он не побежал в ЗАГС. Он замкнулся в себе. Сказал, что это ошибка. Что он был пьян.

Но теперь у меня был новый козырь. Я скажу, что беременна.

Если «ошибку» можно забыть, то последствия ошибки — нет.

Антон — честный. Патологически, тошнотворно честный. Он никогда не бросит своего ребенка. Даже если он не любит мать. Он женится. Он будет терпеть. Он будет моим мужем.

А Лиза... Лиза гордая. Если она узнает, что я беременна от Антона, она не станет разбираться. Она не станет спрашивать про феназепам и инсценировку. Она просто уйдет. Как ушла пять лет назад.

Мне нужен был тест.

Я схватила телефон. Набрала номер Светки, моей одноклассницы. Она была на третьем месяце, вся светилась от счастья своим пузом.

— Алло, Свет? Привет, это Вера. Слушай, ты дома? Я заеду на минутку? Дело есть.

Светка удивилась, но согласилась.

Я приехала к ней через десять минут.

— Свет, выручай, — сказала я с порога, делая максимально несчастное лицо. — У меня задержка. Я боюсь делать тест одна. Мне страшно. Можно я у тебя? И... у тебя есть запасной? А то я аптеку проскочила.

Светка, добрая душа, тут же раскудаhtалась. Дала мне тест, проводила в ванную.

Я заперлась. Достала из кармана маркер. Тонкий, розовый. Я тренировалась рисовать полоски еще в школе, когда мы шутили над мальчишками.

Через пять минут я вышла, сжимая в руке тест с двумя четкими полосками. Одна настоящая (контрольная), вторая — произведение искусства.

— Ну что? — спросила Светка.

— Отрицательный, — соврала я, пряча тест в сумочку. — Просто сбой. Фух, пронесло.

Я быстро попрощалась и уехала, оставив Светку в недоумении.

Теперь у меня было оружие.

Я вернулась домой. Приняла душ, смыла яркий макияж. Надела скромное бежевое платье, которое делало меня бледной и беззащитной. Распустила волосы.

Я посмотрела в зеркало. На меня смотрела не хищница, а растерянная, напуганная девушка, которая попала в беду.

— Идеально, — прошептала я.

Я взяла телефон. Палец завис над номером Антона.

Позвонить? Нет. По телефону не увидишь глаз. Не увидишь, как меняется лицо, когда рушится мир.

Я должна приехать. Я должна сделать это лично. При Лизе.

Если она еще там. А если ушла — я найду ее. Или дождусь.

Я положила тест в карман платья. Он жег бедро, как раскаленный уголь.

Это была ва-банк. Если Антон потребует врача, УЗИ, анализы... Я что-нибудь придумаю. Подкуплю узистку (в нашем районе все продается), достану справку. А потом... потом будет «выкидыш» на нервной почве. Из-за Лизы, конечно.

Главное сейчас — разбить их. Вбить клин такой толщины, чтобы они не видели друг друга за ним.

Я вышла из дома, села в машину.

Солнце светило ярко, птицы пели. Отличный день для того, чтобы разрушить чью-то жизнь ради своего счастья.

Я ехала к дому Антона, и на губах у меня играла улыбка.

«Прости, Лиза, — думала я. — Но в этой сказке принцесса — я. А ты — злая ведьма, которая мешает нашему счастью. И добро, как известно, должно побеждать. Любыми способами».

Глава13(Вера)

(от лица Веры)

Вечер опустился на Заречье душным, липким одеялом. Солнце уже скрылось за лесом, оставив на горизонте багровую полосу, похожую на свежий шрам. В воздухе висело напряжение — то ли перед грозой, то ли перед бедой.

Я сидела в машине, припарковавшись в переулке, откуда хорошо просматривался дом Антона. Мой «наблюдательный пункт». Сирень, густая и темная в сумерках, надежно скрывала меня от любопытных глаз.

Я ждала.

Я знала, что единственный поезд на Петербург уходит в десять вечера. Лиза не из тех, кто опаздывает. Она придет заранее. Чтобы попрощаться. Чтобы пообещать вернуться. Чтобы еще раз посмотреть на него своими щенячьими глазами.

В 20:45 к воротам дома подошла фигура с чемоданом.

Лиза.

Она шла легко, почти не касаясь земли, словно чемодан был набит пухом, а не вещами. Она толкнула калитку — та была не заперта, Антон ждал ее — и взбежала на крыльцо.

Дверь распахнулась еще до того, как она успела постучать. На пороге возник Антон. Даже отсюда, с расстояния в пятьдесят метров, я видела, как он сияет. Он подхватил ее чемодан одной рукой, а другой обнял ее за талию, прижимая к себе.

Они замерли в дверях, слившись в поцелуе. Долгом, тягучем, тошнотворно романтическом.

Меня передернуло. Желудок сжался в спазме ревности.

— Наслаждайтесь, — прошипела я, сжимая в кармане платья холодный пластик теста на беременность. — Это ваш последний поцелуй.

Они скрылись в доме. В окнах гостиной зажегся теплый желтый свет. Я видела их силуэты, мелькающие за тюлем. Они смеялись, ходили по комнате, собирались. Счастливая семья.

Я посмотрела на часы. 21:00.

Пора.

Я вышла из машины. Поправила платье — скромное, бежевое, делающее меня бледной и беззащитной. Распустила волосы, позволив им упасть на плечи беспорядочными волнами. Я должна выглядеть не как хищница, а как жертва обстоятельств. Как напуганная девочка, которая пришла к сильному мужчине за помощью.

Я прошла по улице, стараясь ступать тихо. Гравий под ногами шуршал предательски громко.

Я поднялась на крыльцо. Сердце колотилось где-то в горле, но руки были твердыми. Никакой дрожи. Я актриса получше этой питерской выскочки.

Я не стала стучать. Я просто толкнула дверь. В деревне не запираются, когда ждут гостей.

Я вошла в прихожую.

— ...и не забудь шарф, там ветра с залива, — голос Антона доносился из гостиной. — Я буду звонить каждый вечер.

— Я сама буду звонить, ты же на уроках, — смех Лизы, звонкий, счастливый.

Они стояли посреди комнаты. Лиза в своем дорожном плаще, Антон в джинсах и футболке. Чемодан стоял у его ног. Они держались за руки, глядя друг на друга так, словно в мире больше никого не существовало.

— Кхм.

Я кашлянула, привлекая внимание.

Они обернулись одновременно. Синхронно, как танцоры.

Улыбка сползла с лица Антона мгновенно. Его глаза потемнели, брови сошлись на переносице. Он инстинктивно сделал шаг вперед, закрывая Лизу собой.

— Вера? — его голос был холодным, как лед. — Что ты здесь делаешь?

Лиза выглянула из-за его плеча. Ее лицо застыло, превратившись в красивую, но безжизненную маску.

— Я... — я сделала вид, что растерялась. Опустила глаза, теребя ремешок сумочки. — Прости, Антон. Дверь была открыта... Я не знала, что она здесь. Я думала, ты один.

— Я не один, — отрезал Антон. — И я занят. Уходи, Вера. Нам пора на вокзал.

— Антон, подожди, — я шагнула к ним, протягивая руку. — Мне нужно поговорить с тобой. Это срочно. Пожалуйста.

— Мы поговорим потом. Завтра. Через месяц. Когда угодно, только не сейчас.

— Нет, сейчас! — в моем голосе прорезались истеричные нотки. Я подняла на него глаза, полные наигранных слез. — Я не могу ждать! Это касается... нас.

Антон напрягся.

— Нет никаких «нас», Вера. Я тебе сто раз говорил.

— Есть, — тихо сказала я. — Теперь есть. Антон, можно тебя на минуту? Наедине. Пожалуйста. Ради Бога.

Он колебался. Я видела, как он смотрит на часы, потом на Лизу. Лиза стояла неподвижно, но ее пальцы, сжимающие ручку сумочки, побелели.

— У меня нет секретов от Лизы, — сказал он твердо. — Говори здесь. Или уходи.

Это был мой шанс. Он сам подставился.

— Ты уверен? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. — Ты точно хочешь, чтобы она это слышала?

— Говори, — процедил он сквозь зубы.

Я глубоко вздохнула. Медленно, дрожащими пальцами (талант, чистый талант!) я достала из кармана тест.

— Хорошо. Раз ты так хочешь...

Я положила тест на журнальный столик, разделяющий нас. Две яркие розовые полоски смотрели в потолок, как обвинительный приговор.

— Я беременна, Антон. От тебя.

В комнате повисла тишина. Такая плотная, что, казалось, ее можно потрогать руками. Слышно было только, как тикают старые ходики на стене. Тик-так. Тик-так. Время отсчитывало секунды до взрыва.

Лиза побледнела так, что стала похожа на привидение. Ее взгляд был прикован к маленькой пластмассовой палочке на столе.

Антон замер. Он смотрел на тест, потом на меня, потом снова на тест. Его лицо вытянулось, на лбу выступила испарина.

— Что?.. — прохрипел он. — Что ты несешь? Это бред.

— Это не бред, Антон, — я говорила тихо, но четко, чтобы каждое слово вбивалось гвоздем. — Это факт. Шесть недель.

— Мы не спали! — заорал он, делая шаг ко мне. Он выглядел готовым ударить меня, но я не отступила. — Я тебе говорил! Я ничего не помню!

— Ты не помнишь, потому что был пьян, — парировала я, вкладывая в голос всю скорбь мира. — Но я помню. Ту ночь после похорон отца. Ты пил, тебе было плохо... Я утешала тебя. И все случилось. Ты сам этого хотел, Антон. Ты шептал мое имя.

— Ложь! — он схватился за голову. — Я не мог! Я люблю Лизу!

— Ты любишь Лизу, а спал со мной! — я повысила голос. — И теперь у нас будет ребенок. Твой ребенок, Антон. Внук Сергея Петровича. Ты от него откажешься? Выкинешь на помойку, как котенка?

Антон замолчал. Я видела, как в его глазах мечется паника. Сомнение. Самый страшный яд. Он не помнил той ночи. Он проснулся в одной постели со мной. Он видел засос на своей шее. Факты были против него.

Он медленно повернулся к Лизе.

— Лиза... — он протянул к ней руку. — Лиза, это неправда. Я клянусь...

Лиза отшатнулась от него, как от прокаженного.

Она смотрела на него с такой брезгливостью, с такой болью, что мне на секунду даже стало ее жаль. Но только на секунду.

— Ты спал с ней, — сказала она. Это был не вопрос. Это было утверждение.

— Я не помню! — в отчаянии крикнул Антон. — Я проснулся, и она была там, но я не помню секса! Лиза, поверь мне!

— Ты проснулся с ней, — повторила Лиза ледяным тоном. — Ты был пьян. Ты позволил этому случиться. Месяц назад. Как раз тогда, когда мы... когда я думала о тебе в Питере.

Она перевела взгляд на меня.

— Поздравляю, — сказала она. — Ты добилась своего.

— Я не хотела, чтобы так вышло, — соврала я, прижимая руку к груди. — Я не знала, что ты приедешь. Я просто... я испугалась. Я не могла это скрывать.

Лиза усмехнулась. Страшной, мертвой улыбкой.

— Конечно. Ты всегда все делаешь вовремя, Вера.

Она наклонилась и взялась за ручку чемодана.

— Лиза, нет! — Антон бросился к ней, преграждая путь. — Не уходи! Мы разберемся! Сделаем тест ДНК, что угодно! Это ошибка!

— Ошибка — это то, что я вернулась, — Лиза посмотрела ему в глаза. — Ошибка — это то, что я верила тебе вчера. «Я был верен», да? «Я ждал»? А сам кувыркался с ней на поминках отца?

— Лиза!!!

— Пропусти меня.

В ее голосе было столько стали, что Антон невольно отступил на шаг.

Лиза прошла мимо него. Спина прямая, голова поднята. Королева, идущая на эшафот.

Она вышла в прихожую. Открыла дверь. Ночной воздух ворвался в дом, пахнувший озоном и бедой.

— Лиза!

Антон рванулся за ней.

Это был критический момент. Если он догонит ее, если остановит, если уговорит...

Я не могла этого допустить.

— Ох... — я схватилась за живот и со стоном осела на пол. — Антон... мне плохо...

Это был дешевый трюк, достойный мыльной оперы, но он сработал.

Антон замер в дверях. Он обернулся. Увидел меня, скорчившуюся на ковре.

Инстинкт. Проклятый инстинкт спасателя, который я так хорошо изучила. Он не мог бросить человека, которому плохо. Тем более беременную женщину (как он думал).

Он замешкался. Всего на секунду.

— Лиза... Вера... Черт!

Этой секунды хватило.

Хлопнула входная дверь.

Лиза ушла.

Антон подбежал ко мне, опустился на колени. Его лицо было белым, искаженным от ярости и страха.

— Что с тобой?!

— Живот... тянет... — простонала я, хватая его за руку. — Антон, больно... Помогите...

Он посмотрел на закрытую дверь, за которой исчезла его любовь. Потом на меня.

— Сука, — прошептал он с ненавистью.

Но он не побежал за Лизой. Он поднял меня на руки и понес к дивану.

Я уткнулась лицом ему в плечо, чтобы скрыть торжествующую улыбку.

— Все будет хорошо, — шептала я. — Я здесь. Мы справимся.

Я слышала, как за окном завелся мотор такси. Лиза уезжала. На вокзал. В Питер. Навсегда.

Я победила.

Антон положил меня на диван, налил воды. Его руки дрожали так, что стакан стучал о зубы. Он смотрел сквозь меня, в пустоту. Он был раздавлен. Уничтожен.

Но он был мой.

А остальное — детали. Ребенок, которого нет? Придумаю что-нибудь. Выкидыш, ошибка врачей. Потом. Главное — я выиграла время. А время лечит все. Даже такую любовь.

Глава14

Две розовые полоски на куске белого пластика.

Они смотрели на меня с журнального столика, как глаза змеи. Яркие. Четкие. Неоспоримые.

Я стояла посреди гостиной Антона, сжимая ручку чемодана так, что побелели костяшки пальцев. Воздух в комнате стал густым, тяжелым, как перед грозой. В нем пахло ложью.

— Я беременна, Антон. От тебя.

Голос Веры звучал тихо, но каждое слово вбивалось в мой мозг раскаленным гвоздем.

Я посмотрела на Антона. Его лицо стало серым, как пепел. Он переводил взгляд с теста на Веру, потом на меня. В его глазах я видела панику. Не гнев, не отрицание. Панику человека, которого поймали с поличным.

— Это бред... — прохрипел он. — Мы не спали.

— Ты не помнишь, потому что был пьян, — Вера сделала шаг к нему, и в этом движении было столько хозяйской уверенности, что меня затошнило. — Но я помню. Ту ночь после похорон отца. Ты сам этого хотел, Антон. Ты шептал мое имя.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Месяц назад.

Месяц назад я сидела в своей питерской квартире, смотрела на дождь за окном и думала о нем. Я скучала. Я почти решила позвонить. А он в это время... Он утешался в объятиях Веры.

— Ты спал с ней, — мой голос прозвучал глухо, словно из колодца.

Антон дернулся, как от удара.

— Лиза, нет! Я клянусь... Я проснулся, и она была там, но я ничего не помню! Я был одурманен!

— Опять? Так же как на выпускном вечере пять лет назад? Не слишком ли часто Ты проснулся с ней, — повторила я. Слова падали, как камни. — Ты был в одной постели. Голый. С ней.

— Лиза, послушай! — он шагнул ко мне, протягивая руки. — Это ничего не значит! Я люблю только тебя!

Я отшатнулась.

— Не трогай меня.

Мне было физически больно смотреть на него. На его губы, которые вчера целовали меня. На его руки, которые ласкали мое тело. Я чувствовала себя грязной. И использованной.

Я поверила ему. Господи, какая же я дура. Я поверила в сказку про «верного рыцаря», который ждал меня пять лет. А он... он просто жил своей жизнью. Спал с Верой, когда ему было грустно. И врал мне в лицо, глядя в глаза.

— Поздравляю, — сказала я, глядя на Веру. — Ты добила своего.

Она стояла, опустив глаза, изображая жертву.

— Я не хотела, чтобы так вышло, — прошептала она. — Я не знала, что ты приедешь.

Лгунья. Она все знала. Она всегда все знала.

— Лиза, не уходи! — Антон преградил мне путь к двери. — Мы сделаем тест ДНК! Это может быть не мой ребенок!

— А если твой? — я посмотрела ему в глаза. — Если это твой ребенок, Антон? Ты бросишь его? Ты заставишь ее сделать аборт?

Он замолчал. Я видела, как он мучается. Антон был слишком правильным, слишком честным. Он не смог бы бросить своего ребенка. Даже от нелюбимой женщины.

— Пропусти меня.

— Лиза...

— Отойди! — крикнула я.

Он отступил. В его глазах стояли слезы, но мне было все равно. Мое сердце превратилось в кусок льда.

Я толкнула дверь и вышла в ночную прохладу.

— Ох... — донесся сзади стон Веры. — Антон... мне плохо...

Я не обернулась. Я знала, что он не побежит за мной. Он останется с ней. С матерью своего будущего ребенка.

Я вышла за калитку, где меня уже ждало такси. Водитель, дядя Миша, курил, прислонившись к капоту.

— На вокзал, дядь Миш, — бросила я, закидывая чемодан на заднее сиденье.

— Случилось чего, Лизавета? — он выбросил сигарету, глядя на мое лицо.

— Случилось. Жизнь случилась. Поехали.

Машина тронулась. Я не смотрела в зеркало заднего вида. Я знала, что там никого нет. Антон не бежал за мной. Он спасал Веру.

Мой телефон в кармане завибрировал.

Антон.

Я сбросила вызов. Он перезвонил снова. И снова.

Я достала телефон. Вытащила слот для сим-карты. Маленький кусочек пластика — моя связь с этим миром. С Заречьем, с прошлым, с ним.

Я опустила стекло. Ветер ударил в лицо, растрепав волосы.

Я разжала пальцы, и сим-карта исчезла в темноте обочины.

— Все, — сказала я вслух.

— Что «все»? — не понял водитель.

— Все кончено.

На вокзале я купила билет на ближайший поезд до Петербурга. Плацкарт, верхняя полка у туалета. Мне было плевать. Главное — уехать.

В вагоне пахло дошираком и чужими носками. Я забралась на свою полку, отвернулась к стене и накрылась с головой колючим казенным одеялом.

Поезд тронулся.

Меня начало трясти. Зубы стучали, как в лихорадке. Я засунула кулак в рот, чтобы не завыть.

Вчера. Только вчера я была самой счастливой женщиной на свете. Мы лежали в той же спальне, строили планы, выбирали имена для будущих детей. А сегодня...

Сегодня я узнала, что я — просто эпизод. Временное утешение.

«Я беременна от тебя».

Эти слова Веры крутились в голове заезженной пластинкой. Ребенок. У них будет ребенок. Маленький человечек с глазами Антона. Он будет расти, называть Веру мамой, а Антона папой. Они будут семьей.

А я? Я вернусь в свою пустую питерскую квартиру, к чужим ролям и холодной постели.

Меня затошнило. Я вскочила и побежала в туалет, едва успев захлопнуть дверь.

Меня рвало желчью и горечью. Я смыла воду, умылась ледяной водой из ржавого крана. Из зеркала на меня смотрела бледная тень с красными глазами.

— Ненавижу тебя, — прошептала я своему отражению. — Ненавижу за то, что поверила.

Я вернулась в Питер тенью самой себя. Первые дни я просто лежала лицом к стене в своей съемной квартире, не отвечая на звонки. Я хотела умереть.

Меня вытащил Клим.

Он приехал ко мне на третий день. Просто позвонил в дверь и стоял, пока я не открыла — растрепанная, опухшая от слез. Он не стал задавать вопросов. Он просто вошел, заварил чай и заставил меня поесть.

— Я не спрашиваю, что там случилось, Лиза, — сказал он тогда, глядя на меня своими пронзительными темными глазами. — Но я не дам тебе сгнить заживо. У нас контракт. Съёмки. Ты нужна мне... то есть, фильму.

Он стал моим ангелом-хранителем. Он возил меня на репетиции, кормил обедами, гулял со мной по набережным, когда меня накрывала паника. Он был деликатным, ненавязчивым, но всегда рядом. Я не любила его, но я была ему благодарна. Он заполнял пустоту...

Театр «На Моховой» готовился к премьере. Комедия положений, легкая, искристая, как шампанское. Я играла главную роль — ветреную красотку, которая крутит романы с двумя мужчинами сразу.

Ирония судьбы.

— Лиза, больше жизни! — кричал режиссер из партера. — Ты не на похоронах! Улыбайся! Глаза должны гореть!

Я растянула губы в улыбке. Это была маска. Приклеенная, застывшая гримаса. Внутри я была мертва.

Три недели прошли как в тумане. Я ходила на репетиции, учила текст, ела, спала. Но я ничего не чувствовала. Мир потерял краски, стал черно-белым кино.

Клим был рядом. Он не задавал вопросов... Он приносил мне кофе, подвозил домой, молча сидел рядом, когда я курила одну за другой.

— Лиз, ты бледная, — сказал он в перерыве, протягивая мне бутылку воды. — Ты ела сегодня?

— Ела, — соврала я. Меня мутило от одного вида еды.

— Может, отдохнешь? Ты загоняешь себя.

— Мне нормально, Клим. Работа лечит.

— Работа не лечит, она просто отвлекает, — он внимательно посмотрел на меня. — Что там случилось, в деревне? Ты так и не рассказала.

— Ничего не случилось. Я просто поняла, что прошлое должно оставаться в прошлом.

Он не поверил, но промолчал.

Мы вернулись на сцену. Свет софитов ударил в глаза, ослепляя. В зале было душно. Запах пыли кулис смешался с запахом пота и грима.

— И вот тогда я сказала ему... — начала я свою реплику, делая пируэт.

Земля качнулась.

Сцена поплыла. Лица партнеров вытянулись, превращаясь в размытые пятна. Голоса стали глухими, словно я оказалась под водой.

— Лиза! — кто-то крикнул мое имя.

Я попыталась ухватиться за декорацию, но рука соскользнула.

Темнота накрыла меня мягким, тяжелым одеялом.

Я пришла в себя на диванчике в гримерке. Кто-то махал у меня перед носом ваткой с нашатырем. Резкий запах ударил в мозг, заставив сморщиться.

— Очнулась, слава богу, — голос медсестры театра, тети Маши.

Я открыла глаза. Надо мной склонились Клим и режиссер.

— Что случилось? — прохрипела я, пытаюсь сесть.

— Ты в обморок упала, звезда моя, — буркнул режиссер, но в голосе было облегчение.

— Переутомление, наверное. Или голодный обморок. Вы, актрисы, вечно на диетах.

— Я в порядке, — я попыталась встать, но меня снова повело.

— Лежи! — Клим удержал меня за плечи. — Никакого порядка. Тетя Маш, что с ней?

Медсестра посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом. Она была женщиной опытной, вырастившей троих детей и пятерых внуков.

— Давление низкое, — сказала она. — И бледная, как смерть. Лизавета, а когда у тебя эти дни были?

Вопрос прозвучал как гром среди ясного неба.

Я замерла.

Дни. Какое сегодня число? Пятнадцатое июня.

Я начала судорожно считать в уме. Май. Отъезд в деревню. Возвращение. Три недели работы.

Задержка. Две недели.

Меня обдало жаром, потом холодом.

— Я... я не помню, — пробормотала я, чувствуя, как краска отликает от лица.

Тетя Маша хмыкнула.

— Ну-ну. Сходи-ка ты, милочка, к гинекологу. А то у нас тут токсикоз, похоже, начинается.

В примерке повисла тишина. Клим посмотрел на меня. В его глазах я прочитала вопрос, на который боялась ответить даже себе.

— Я пойду, — я вскочила, не обращая внимания на головокружение. — Мне надо домой.

— Лиза, я отвезу, — Клим шагнул ко мне.

— Нет! — я выставила руки вперед. — Не надо. Я сама. Мне нужно побыть одной.

Я схватила сумку и выбежала из театра.

На улице шел дождь. Мелкий, противный питерский дождь, который пробирает до костей. Я шла по набережной Фонтанки, не раскрывая зонта. Вода текла по лицу, смешиваясь со слезами, которые наконец-то прорвались.

Беременная.

Я беременна.

От Антона.

Судьба сыграла со мной самую злую шутку, какую только можно придумать.

В ту ночь, когда мы мирились, когда я верила, что мы будем счастливы... мы зачали ребенка. Ребенка любви.

А месяц назад, в пьяном угаре, он зачал ребенка с Верой.

Два ребенка. От одного отца. С разницей в месяц.

Один будет расти в семье, с папой и мамой, в доме с садом. Другой...

Я остановилась на середине Аничкова моста. Посмотрела вниз, на черную, маслянистую воду канала.

Другой будет безотцовщиной. Напоминанием о моей глупости. О предательстве.

Каждый раз, глядя на него, я буду видеть глаза Антона. Я буду помнить, как он выбрал Веру. Как он остался с ней.

— Я не могу, — прошептала я в шум дождя. — Я не могу родить этого ребенка.

Я не смогу любить его так, как он заслуживает. Я буду ненавидеть его за то, кто его отец. Я сломаю ему жизнь, как сломали мне.

В кармане лежал телефон.

Я достала его дрожащими руками. Набрала в поиске «клиника прерывание беременности СПб».

Экран высветил список. Десятки адресов. Цены. «Безболезненно», «Конфиденциально», «В день обращения».

Я нажала на первый номер. Гудки пошли. Длинные, тягучие.

«Алло, клиника «Здоровье», администратор Ольга, слушаю вас».

Я открыла рот, чтобы записаться. Чтобы убить эту ошибку, вытравить ее из себя, забыть как страшный сон.

Но слова застряли в горле.

Моя рука невольно легла на живот. Там, внутри, была жизнь. Частичка меня. И частичка того Антона, которого я любила. Того, кто ждал меня пять лет. Кто клялся мне в верности под ивой.

Может, он не врал? Может, Вера все подстроила?

Но факт оставался фактом: Вера беременна. И Антон остался с ней.

— Алло? Девушка, вас не слышно. Вы хотите записаться?

Слезы душили меня.

— Нет... — прошептала я и нажала отбой.

Я не могла это сделать. Не сейчас.

Я сползла по перилам моста на мокрый гранит. Прохожие шли мимо, прячась под зонтиками, никто не обращал внимания на рыдающую девушку.

Я была одна. В огромном чужом городе. С ребенком под сердцем, у которого не было будущего.

И я не знала, как жить дальше. Я снова дрожащей рукой набрала номер клиники.....

Глава15

Коридор частной клиники был стерильно-белым, как операционная. Здесь пахло хлоркой, дорогими духами и страхом. Я сидела на кожаном диванчике, сжимая в руке бумажный талончик с номером «14». Четырнадцать. Мое несчастливое число.

Рядом сидела девушка лет двадцати. Она плакала, тихо, беззвучно, размазывая тушь по щекам. Я смотрела на нее и видела себя. Только у меня не было слез. Слезы кончились еще вчера, на мосту. Осталась только холодная, звенящая пустота.

Я пришла убить своего ребенка.

Эта мысль билась в голове монотонным молотком. Убить. Избавиться. Стереть ошибку.

Я положила руку на живот. Там, внутри, была жизнь. Крошечная, размером с горошину. Сердце уже билось. Я знала это, потому что читала статьи в интернете всю ночь.

Это был ребенок Антона.

Ребенок человека, который предал меня. Который сейчас, в эту самую минуту, гладил живот Веры и слушал, как растет его «законный» наследник. А мой... мой был лишним. Бастардом. Напоминанием о том, как меня использовали и выбросили.

— Я не смогу, — прошептала я одними губами.

Я не смогу воспитать его одна. Я не смогу смотреть в его глаза и видеть Антона. Я ненавижу его. Я сломаю ему жизнь. Лучше так. Лучше сейчас, пока он ничего не чувствует.

Дверь кабинета открылась. Вышла женщина в темных очках, бледная, шатающаяся.

— Номер четырнадцать! Ветлугина! — крикнула медсестра в розов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.